

Трое из леса

Юрий НИКИТИН

Гиперборей

«ЭКСМО»

2004

Никитин Ю. А.

Гиперборей / Ю. А. Никитин — «Эксмо», 2004 — (Трое из леса)

Волхв Олег, один из легендарных Трех из Леса, становится отшельником, чтобы в уединении познать Истину. Но нападение дикого племени обринов заставляет его вновь взяться за оружие и вернуться в мир, полный лжи и насилия. Разгромив захватчиков, Олег узнает, что над Русью по воле зловещего Совет Семерых нависла страшная угроза. И Олег вновь отправляется в далекий путь...

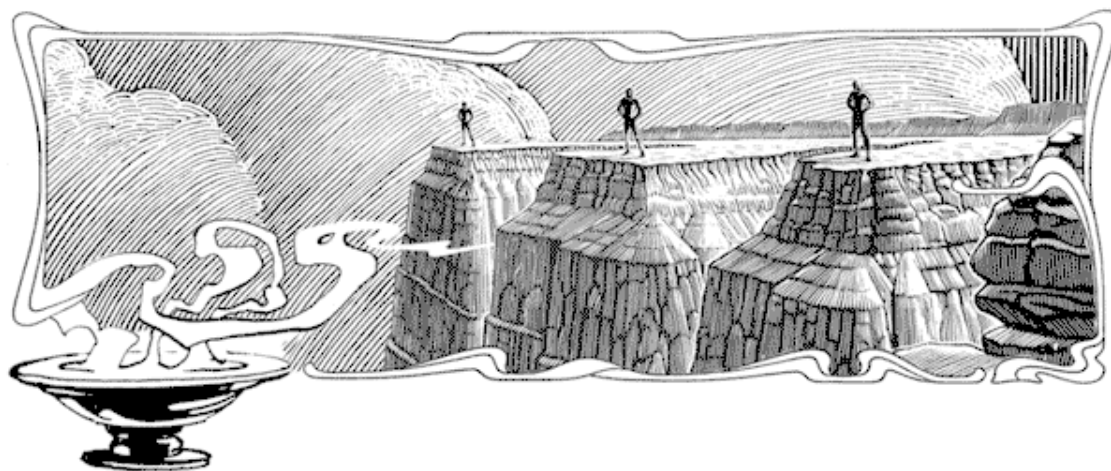
© Никитин Ю. А., 2004

© Эксмо, 2004

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	24
Глава 4	34
Глава 5	44
Глава 6	54
Глава 7	65
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Юрий НИКИТИН ГИПЕРБОРЕЙ

Глава 1

Олег услышал приближающийся конский топот. На поляну выметнулся храпящий конь. Всадник был огромен, лют, за плечами трепыхается шкура барса, на шее ожерелье из волчьих и медвежьих клыков. Следом через чащу проломилась пара дулебских слуг, кони шатались, роняли пену.

– Светлый обрин, собаки потеряли след оленя!

– Каджи вас побери с такими псами! – заорал всадник в шкуре барса.

Плеть свистнула, дулеб вскинул ладони, но узкая полоска кожи с треском распоролась рубаху на спине. Конь под дулебом всхрапнул, вздыбился, едва не выбросив седока из седла, понесся через кусты.

Обрин, не выпуская плети, повернулся к Олегу. Тот сидел на пороге пещеры, рядом на плоском камне сушились травы, корни, ягоды. Глаза обрина налились кровью.

– Молитвами живешь? А почему олень исчез? Почему псы след потеряли? Кто ты есть, тварь?

Олег низко поклонился:

– Пещерник я, светлый хозяин.

– Пещерник, – прорычал обрин, щеря острые зубы. Его пальцы крепче сжали плеть, конь гарцевал, боком приближаясь к пещере. – Гнушаешься нашей жизни, с богами дружишь... На колени!

Олег поспешно упал на колени. Обрин с наслаждением – даже привстал на стременах! – обрушил плеть на сторбленную спину. Рубаха лопнула, обнажив худую спину с резко выступающим хребтом. Поперек спины запылала кровавая полоса.

Обрин остановил коня, процедил сквозь зубы:

– Плечи как у быка, а от жизни прячешься... Тварь!

Люто свистнула плеть, рубаха лопнула в другом месте. Вздулся длинный красный рубец. Налитые кровью глаза обрина выпучились, он часто задышал. Плеть засвистела в воздухе, на землю, как осенние листья, опали обгаренные кровью лохмотья рубахи. Колени были на земле, голова покорно опущена. Худое жилистое тело вздрагивало под свирепыми ударами. Спину крест-накрест исполосовали багровые рубцы, а плеть все так же злое везе взлетала над головой.

На поляну продрались, круша кусты, обры и кучка пеших загонщиков из примученных дулебов. Обрин осатанел, на синих губах повисла пена. Он что-то орал, оскалив зубы, как зверь. Конь испуганно дергался, дрожал от щелкающих ударов. В воздухе запахло свежей кровью.

Один из обров подъехал к всаднику с плетью, с готовностью бросил ладонь на рукоять меча:

– Тарган, позволь! Я смахну ему голову.

Обрин задержал руку с плетью над головой, оглянулся:

– Чего?

Воин медленно потянул из ножен меч.

– Плетью забивать долго... А так с одного маху.

Обрин повернулся к стоящему на коленях пещернику. Окровавленные полосы рубашки свисали до земли, словно лыко, содранное свирепым медведем с липы, спина и шея безобразно вздувались переплетением багровых рубцов, многие сочились кровью. Невесть откуда налетели крупные, как жуки, зеленые мухи, со злобным жужжанием падали на спину, жадно лизали сукровицу.

– Пусть поживет, – буркнул обрин. Он сунул плеть за пояс. – А то скоро пороть будет некого.

Гридни захохотали. Обрин повернул коня, копыта прогрохотали мимо пещеры Олега. Один спешился, помочился у входа, затем с гиком и свистом пустился догонять своих. У троих обров висели притороченные к седлам зайцы, тетерева, один сумел добыть молодого кабанчика. Со смехом и шуточками ехали к селению дулебов, где месяц тому назад истребили почти всех мужиков, а молодых девок оставили для потехи. Один из обров вдруг оглянулся на Олега, сказал с удивлением:

– А кожа у пещерника прямо дубленая!.. Ты раньше рассекал мясо до кости, а у этого шкура едва-едва лопалась... Или у него не шкура, а кора?

– Посидел бы ты в пещере, – фыркнул другой. – Там клопы размером с жуков! Какую шкуру надо нарастить, а?

Олег спустился к ручью, что бежал в трех шагах от пещеры, смыл кровь. Рассеченную кожу саднило, и он прислушался к забытому ощущению боли с недоумением и смутной тревогой. Холодная вода постепенно остудила тело. Не вылезая, Олег дотянулся до знакомых сочных стеблей, что склонились к воде, выдернул, очистил от кожуры, пожевал луковицы. Язык защипало, рот наполнился вязкой слюной. Он медленно вышел из воды, приклеил листья на рассеченную кожу. Над головой уже перекликались беззаботные птицы, порхали яркие бабочки, важно гудели шмели, похожие на крохотных медвежат. Муравьи деловито доили тлей, таскали травинки...

В пещере он опустился на каменное ложе, закрыл глаза. Стены словно бы сдвинулись, он ощутил знакомое оцепенение. В черноте поплыли цветные пятна, в ушах зазвучали странные голоса. Он погружался все глубже, голоса слышались все яснее, начал различать слова, обращенные к нему, но внезапно слух уловил другие голоса, из другого мира!

Олег с отвращением ощутил, что сознание возвращается в прежний неустроенный мир, мир грубости и злобы. Голоса стали громче, женские голоса. Они доносились со стороны поляны, куда выходила его пещера. Олег поднялся с ложа.

Затрещали кусты. Олег успел подумать с неудовольствием, что пустынную часть леса за последний год стали посещать чересчур часто.

Ветки раздвинулись, на поляну продрались шесть молодых женщин – в лохмотьях, полуголые, на плечах пламенели багровые рубцы. Женщины были запряжены в конскую сбрую, тянули за две длинные оглобли. Ломая сочную зелень, следом катила телега, на передке орал и махал бичом краснорожий обрин. В телеге веселились еще трое – пели, хохотали, швыряли в женщин обглоданные кости...

Посреди поляны одна несчастная запнулась, упала, вторая рухнула сверху. Колеса наткнулись на упавших, телега разом остановилась. Пьяный обрин едва не слетел с передка, люто заорал на своем гортанном языке. Плеть со свистом прорезала воздух, расплелась в длинный ремень с кусочком свинца на конце. Женщины вскрикнули в один голос: сразу у троих брызнула кровь.

Олег тяжело вздохнул, сделал шаг назад. Мир не меняется. А он еще не отыскал нужные слова, единственно верные законы, которые приняли бы люди. И обры, и дулебы, и поляне, и даже свирепые тиверцы...

Обрину надоело махать бичом, соскочил на землю. Был он высок, широк в плечах, двигался тяжело. Плачущие женщины сгрудились в кучу, смотрели с ужасом. Обрин пнул одну ногой, спросил хриплым голосом:

– Кто остановил?

Женщины в страхе раздвинулись. В середине сидела молодая худенькая девушка. Ее пальцы туго обхватывали подвернутую лодыжку. Тоненькая струйка крови стекала из прокушенной губы, лицо было белое как мел. Большие синие глаза с ужасом встретили угрюмый взгляд огромного обрина.

– Встань, – велел обрин.

Девушка послушно приподнялась, тут же тоненько вскрикнула, упала. Обрин опустил длинную волосатую руку, легко поднял. В другой руке блеснул нож. Женщины закричали, заплакали, а обрин деловито и быстро перерезал горло жертве, брезгливо отбросил вытянутой рукой в сторону, дабы не испачкать одежду. Девушка упала среди зеленой травы, из толстой вены хлестала струя темной крови.

Женщины плакали уже тихо, страшись рассердить могущественного обрина. С телеги крикнули, голоса были нетерпеливые. Женщины ухватились за оглобли. Пока обрин взбирался на телегу, они поменялись местами: с одной стороны три совсем молоденькие девушки, а за другую оглоблю ухватились две женщины покрепче.

Олегу стало жарко, словно шел через пустыню. Он начал отступать в глубь пещеры, но хищные глаза обрина уже узрели пещерника. Он стиснул в кулак кнут, крикнул:

– Эй, раб! Подойди.

Олег послушно вышел, пригибаясь, остановился перед телегой. Голову он держал покорно склоненной, смотрел себе под ноги. Кнотовище больно ударило снизу в подбородок, он поспешно вскинул голову. Обрин скривил толстые губы в неприятной усмешке:

– Эй, раб! Хоть ты и пещерник, но своих женщин жалко?

Олег с усилием разлепил губы, ответил хрипло, с удивлением прислушиваясь к своему голосу:

– Жаль...

На телеге захохотали. Молодой обрин швырнул обглоданной костью, а возница сказал насмешливо:

– Я могу их отпустить. Но повезешь тогда ты.

Олег стоял неподвижно, пытаясь проникнуть в смысл простых страшных слов. На телеге довольно ржали трое хищных зверей, а в телегу были впряжены пятеро кротких тварей, и если он, который вот-вот постигнет Истину, заменит их, то их отпустят по своим норам. Они простые звери, искры Рода в них едва тлеют, а он близок к богам, однако тоже совсем недавно был простым зверем, очень простым зверем...

Он тяжело качнулся, подошел к женщинам. Те испуганно попятнулись. Олег взялся за оглобли. Говорить не решился, он даже забыл, когда последний раз произносил связные речи. Для тягостных размышлений и беседы с богами слов не требовалось.

Обрин довольно оскалил крупные, как у коня, зубы:

– Хорошо... Даже зверь защищает своих детей и женщин. Но учти, раб! Я люблю ездить быстро.

Женщины, глядя на пещерника расширенными глазами, шарахнулись от телеги, как стая вспугнутых птиц. Олег взял оглобли под руки. Дерево было еще теплое, отполированное женскими руками, трещины темнели коричневыми сгустками крови – сколько женщин разодрали ладошки в кровь?

Обрин что-то крикнул, на Олега обрушился удар бича.

– Оглох?.. Трогай, раб!

Сцепив зубы, Олег потянул нагруженную телегу. Обрин покрикивал, щелкал бичом над головой, но не бил: Олег места знал, напрямик через кусты не ломился, телегу не трясло. Олег мотал головой, оберегая глаза от мелькающих веток.

– Быстрее! – крикнул обрин.

Олег прибавил шаг. Рассохшаяся телега скрипела, колеса шатались, спицы потрескивали. Он бежал, высматривая сухую дорогу, свободную от валежин, пеньков. Под ногами сочно трещали стебли папоротника, подошвы скользили на грибах.

– Еще быстрее!

Деревья замелькали чаще, он едва успевал высматривать чистый путь, ибо дороги в этой части леса нет. Потому и поселился здесь – звериные тропки, странные дорожки, если кто и пользовался ими, кроме зверей, то разве что лешие, исчезники, чугайстыри.

Один обрин вдруг заорал пьяным голосом:

– Раб, гони на холм!

Плечи ожгло плетью. Он задыхался, жадно хватал ртом воздух. Перед ним протянулась поляна, заросшая сочной травой, слева – молодой ельник, а вдоль него шла звериная тропка на холм. Его называли еще Лысой горой – деревья срубили сотни лет назад, свели кусты, а на вершине поставили деревянное капище и трехсаженного Сварога из старого темного дуба. После прихода обров там теперь пепелище и кости волхвов...

Он чуть пришел в себя, пока тащил через ровную как стол поляну. Перед холмом разогнался – земля сухая, каменистая, с разбегу потащил телегу. Дорога поднималась покато, но вскоре тяжесть начала тянуть назад.

– Гони! – визжал обрин.

Оглобли выскальзывали, мокрые от пота, в глазах темнело от прилива крови, в ушах стучали молотки. Олег потащился шагом, хрипя и налегая на оглобли из последних сил. Оглобли дергали из стороны в сторону, подбрасывали.

Сзади свистели, визжали. Плечи ожгло. Обры спорили, вырывали бич у возницы, но не из жалости к человеку-лошади – каждый хотел бить, видеть клочья человеческой кожи, вспухающее мясо, брызги крови.

Задыхаясь, он дергал телегу, упирался изо всех сил, наклонился так, что почти скользил лицом по земле. В груди хрипело, воздух врвался в горло с жестяным свистом, перед глазами плыло. Плечи чувствовали обжигающие удары, но помнил только одно: не упасть. На вершине холма будет отдых.

Лохмотья уже второй за день рубахи свалились. Солнце жгло больно, громадные оводы жадно облепили плечи и спину – там текла сукровица, вспухли толстые рубцы. Обрин вдруг захохотал, с азартом принялся стегать бичом:

– За скотом надо присматривать!.. Его загрызут мухи, если не заступиться! – И от хохота едва не выпал из телеги.

Под ногами Олега осыпались камешки. Запах гари доносился такой, словно капище сожгли вчера, а не месяц тому назад. Обрин с наслаждением вытянул его во всю длину бича, прибавив пару оводов. Олега перекосило от боли, однако телега уже вытащилась на вершину Лысой горы. Обрин рявкнул, велел остановиться. Олег рухнул без сил. Обры слезли с телеги, заговорили – с вершинки видно пять весей дулебов, петлю реки, две старицы и крупное городище, где раньше жил вождь дулебов со своей малой дружиной.

Олег задыхался, воздуха не хватало. В горле сипело, перед глазами стоял красный туман. Обры что-то говорили между собой. Он слышал только гортанные звуки, грубый жестокий смех – странный народ, пришел неизвестно откуда, с неслыханной жестокостью покорил дулебов – мирное, кроткое племя славян. Истребили старейшин, волхвов, надругались над женщинами. Не было у обров большей потехи, чем запрячь в телегу молодых женщин и поехать к друзьям на пир. Женщин ставили в конюшни к лошадям, только обращались намного хуже, чем со скотом. Издевались так гадко, что даже Олег однажды смутно удивился: что за народ славяне? Почему терпят?

Дружный хохот заставил повернуть голову. Среди обгорелых бревен, раскиданных головешек взвилась черная пыль: поднялся упавший пьяный обрин – в пятнах копоти, злой. Трое хохотали, хлопали друг друга по плечам. Четвертый, не отряхиваясь, подошел к Олегу, дал сильного пинка:

– Поехали в село, раб!

Его друзья с готовностью забрались в телегу. Олег поспешно ухватился за оглобли. Ноги еще дрожали от усталости, а когда взглянул вниз, сердце похолодело. Заставят бежать вскачь, а телега тяжелая. Понесет – костей не соберут, ежели с разбегу да на дерево.

Он почти не помнил, как и куда спускал телегу. Смутно удивился, когда на плечи обрушился жгучий удар, а страшный голос проревел:

– Стой, раб! Приехали.

Он без сил повалился в дорожную пыль. Мучительно ныло исполосованное тело, кровоточащие ссадины запорошило серой пылью, оводы и слепни взвились со злым жужжанием и тут же упали обратно, спеша захватить места на ранах. Краем глаза видел в двух шагах бревчатую стену, но не было сил повернуть голову.

Обры слезли, один грубо попинал носком сапога лежащего без сил человека:

– Эй, раб! Теперь буду ездить на тебе.

Другой предложил веселым голосом:

– Устрой состязание с Кроманцолегом! Клянусь кобылицей Большого Тумана, еще так не ездил. Пусть хан выставит своего знаменитого жеребца, а ты этого раба. Клянусь сосками небесной Кобылицы, я поставлю на раба.

Обрин оглянулся, смерил взглядом распростертого в пыли Олега – в темных пятнах от смешавшейся с кровью пыли. Поколебавшись, бросил жестко:

– Эй, раб! Послезавтра побежишь против скакового жеребца. В телеге, как и он. Если обгонит – умрешь немедленно.

Ноги обрина исчезли из поля зрения. Олег услышал другие голоса, не разобрал слов из-за своего хриплого дыхания, затем донеслось властное:

– Ты пещерник, значит, смерти не боишься. Но умрут и женщины этого села. Плохо умрут. Очень медленно и очень плохо.

Олег с трудом согнул ноги, уперся дрожащими руками в землю, встал. Его качнуло, он стиснул зубы, удержался. Улица дергалась, перед глазами плыло, качалось. Он повернулся, с огромным усилием потащился обратно к стене леса, скорее чувствуя ее влажное дыхание, чем видя.

Когда пробирался через кустарник, в голове прояснилось, а перед глазами перестали вспыхивать огненные мухи. Он заглушил боль в мышцах, спине – все пройдет, и боль, и жажда, и усталость. Надо отстраниться, здесь не искать. Ведь все, что видим и чувствуем, знаем, все то, что называем этим белым светом, – лишь тень от Настоящего мира, в который он вот-вот прорвется. Люди рождаются, живут и умирают в этом плоском мирке, так и не познав Настоящего, не заглянув за край. Лишь самые стойкие из подвижников заглянули, если верить слухам, в тот мир, обрели бессмертие, стали богами! А он всегда был стойким. И к цели шел прямо, не отвлекаясь.

Его шатало, но – силы постепенно возвращались, шаг выравнился. Исхлестанная спина немилосердно зудела, кровь застывала коркой, изорванная кожа под ней стягивалась в целое. Он чувствовал, как вспухшие рубцы опускаются, рассасываются.

Он еще только подходил к поляне, когда тяжелое предчувствие заставило ускорить шаг. Поляна вытоптана, над трупом девушки возятся с утробным рычанием два волка. Один равнодушно взглянул, продолжая тянуть кишку из разгрызенного живота – пещерника оба знали, – второй злился, взрыкивал сквозь сжатые зубы: не мог оторвать измочаленную грудь, хотя упирался лапами изо всех сил.

Олег прошел мимо, чувствуя странное бессилие. У входа в пещеру синели распластанные на его сушильном камне внутренности убитого лося. При его приближении со злым жужжанием взвился рой жирных зеленых мух. Такие же огромные толстые мухи облепили щедрую россыпь конских каштанов у входа в пещеру. Из пещеры несет кислой вонью – туда заходили оправляться человек пять-шесть здоровых мужчин, судя по мощному запаху.

Олег сел на пень в сторонке от входа. Загажено, вытоптано, испакощено – но мудрому здесь помехи нет. Нагажено – уберет, испорчено жилище – проживет без оногo. В этом плоском мире, тусклой тени Настоящего, его ничто не обидит и не заденет – он выше. Да, выше, однако тело живет пока здесь, в одном мире с этой убитой девушкой, загаженной пещерой, воинственными обрами, которые восхотели ездить напрямик через эту часть заповедного леса. Если обры будут терзать его и дальше, то он не сможет непрерывно думать об Истине, пытаться проникнуть мыслью за край!

Медленно солнце опустилось за вершины деревьев, всплыла луна, небо потемнело, и высыпали крупные звезды. Затем луна ушла, звезды поблекли на светлеющем небе, на востоке начала шириться сверкающая полоска, а он все сидел – утренние пташки принимали за огромный валун, а белка даже пыталась грызть у него на плече сосновую шишку. Такие же тяжелые, как валуны, мысли ворочались в голове, и Олег чувствовал странное облегчение – ощущение человека, который отыскал оправдание, дабы увильнуть от тяжелой работы, ухватившись за ту, что легче.

– Я вынужден прервать отшельничество, – проговорил он вслух, вслушиваясь в собственные слова. – На время! На самое короткое время. Я просто вынужден выйти в этот простенький мир...

Стараясь не наступать в дерьмо, он вошел в грот. Пещера была небольшой, свод невысокий, с нависающими острыми глыбами – ходить приходилось, втягивая голову в плечи. У левой стены было узкое ложе из огромного плоского камня. По преданию, на нем спал богатырь Скиф. При желании можно было даже углядеть ямки от локтей, но Олег лишь улыбнулся, когда впервые услышал такое, – он знал, как и на чем спал Скиф, сын Колоксая, внук Таргитая.

Тяжело вздохнул, нагнулся, крепко ухватился снизу за камень. Мышцы напряглись, кровь бросилась в лицо, страшно вздулись вены. Он хрипло застонал, жилы трещали от натуги. Камень звучно чмокнул, отрываясь от земли, ноги Олега обдало могильным холодом.

В последнем усилии он поднял каменное ложе, поставив на ребро. В глубине выдолбленной в камне узкой домовины холодно блеснуло длинное лезвие булатного меча. Рядом виднелся короткий парфянский лук, составленный из широких костяных пластин, под ним угадывалась полоска праха от истлевшей тетивы. В углу выдолбленной щели лежали два мотка запасной тетивы. Олег коснулся пальцем – рассыпались в серую пыль.

Глядясь в лезвие меча, он перво-наперво укоротил волосы. С холодного харалуга – в этих краях именуемого булатом, а еще севернее зовущегося сталью – на него смотрело хмурое лицо исхудавшего мужчины. Без бороды он выглядел особенно изможденным, но распиравшие кожу кости были широкими, их опутывали сухие жилы, крепкие, как просмоленные канаты на баллистах ромеев.

Олег вышел из пещеры, выпрямился во весь рост, – а он был выше самого рослого из обров. Грудь была широкая, как наковальня деревенского кузнеца, а руки длинные, жилистые. Левая чуть толще, грек бы сказал, что пещерник подолгу упражнялся с мечом, вот мясо иросло, но даже грек не определил бы, что пещерник одинаково владеет обеими руками. А кто определил, тот уже никому не скажет.

Швырлялым ножом выстрогал короткое копьё, насадил поржавевший наконечник. Когда на поляну беспечно вышел молодой олень, Олег сказал тихо:

– Прости, брат...

Копье ударило с такой силой, что острие вышло с другой стороны. Олень упал, забился, взрывая землю копытами и рогами. Его крупные глаза с укором и непониманием смотрели на подходившего пещерника – тот раньше всегда давал ему сочные листья, гладил, говорил ласковые слова, выбирал колючки.

Олег поспешно перерезал молодому зверю горло, на глазах у него закипали слезы. Кровь брызнула тугой струей, стебли травы протестующе закачались, стряхивая с листьев алые капли.

Волки уже затаскивали в кусты труп девушки, но вмиг оглянулись, чуя свежую кровь, их уши поднялись.

– Прочь, – сказал Олег.

Голос вернулся к нему после многолетнего молчания, и волки сразу ощутили превращение мирного пещерника во что-то другое, опасное. Один попятился, другой попытался оскалить зубы. Но Олег тяжело шагнул к ним, и оба проворно исчезли в кустах.

– Кажется, надо закопать, – проговорил Олег в раздумье. – Или сжечь? Не помню, как принято у дулебов. И не надо говорить вслух, я не принимал обет учить человеческой речи зверей и птиц!

В этот день он впервые за последние годы ел мясо. Голова закружилась от непривычной сытости. Он вдруг ощутил настоящий звериный голод, унижающий человека, тем паче пещерника. Затем вырыл яму, закопал обезображенный труп девушки, сверху навалил камни и валежины, чтобы зверье не растаскало человечесьи кости.

Ночью он дважды просыпался, движимый непонятным голодом, ел остывшее мясо. Рано утром развел жаркий костер, поджарил мясо на углях, наелся и снова ощутил забытую тяжесть в желудке. В его руки и тело возвращалась недобрая, усердно заглушаемая все эти годы сила.

Глава 2

Когда солнце поднялось высоко, он услышал далеко за деревьями сердитые крики, женский плач и надсадный скрип старой, разошедшейся телеги. На его изгаженную поляну одна за другой вышли женщины – тащили телегу. Одна была брюхатая, лицо ее побелело, она дышала с хрипами. На телеге сидел на передке старый мужик, грузный и неповоротливый. Кнут его постоянно щелкал, но плечи женщин пока были целы. Лишь одна захлебывалась слезами, а через руку у плеча опускался багровый вспухший рубец.

Мужик заорал, едва завидел еще издали Олега на пороге пещеры:

– Раб! Тебе было велено сегодня явиться к обринскому терему!

Олег медленно поднялся на ноги. Он все еще с трудом находил слова, но слова его падали тяжелые, как валуны:

– Иди и скажи... Я пещерник. В мирскую жизнь не вмешиваюсь. Пусть и меня оставят в покое.

Мужик ахнул, соскочил с телеги с неожиданной для его грузного тела легкостью. Кнута-вище он держал как копьё, так и попер на пещерника.

– Ты... ты разумеешь, что глаголешь?.. Обры здесь хозяева!.. Кто им смеет противиться?.. Иди, а то всю нашу весь сожгут, народ изничтожат. Иди добром, говорю...

Он раскрутил кнут, с яростью бросил вперед длинный конец. Олег быстро шагнул навстречу, перехватил кисть, и кнут выпал из онемевших пальцев войта. Олег сжал сильнее, услышал слабый хруст костей. Войт завизжал тонким бабьим голоском, рухнул на колени. Олег поднял его за шиворот, другой рукой цапнул за пояс, поднял и швырнул в телегу.

– Иди и скажи, – повторил он. – Я не вмешиваюсь. Не трогайте меня.

Женщины с плачем потащили телегу обратно. Войт выл, катался в сене, грозил карами. Олег опустил на пень, погрузился в тяжелые думы. Оставят ли в покое?

Обычно завоеватели ломают сопротивляющихся, но храмы не трогают, волхвам не вредят. Вовсе не замечают пещерников, пустынников, столпников, юродивых. Те не от мира сего. Они живут в другом мире, лишь тела влачатся еще здесь, запаршивленные, в коросте, жалкие.

Он задумчиво потрогал подбородок. Внезапно рука отдернулась. Непривычно. Не потому ли сбрил бороду, что за нее часто хватают чужие руки, чтобы рывком вскинуть голову вверх и ударить по горлу?..

Он начал вслушиваться в себя, погружаясь в темное оцепенение, услышал шорохи, голоса, далекий зов. Голос показался незнакомым, но чем дольше Олег вслушивался, тем больший страх заползал в душу. Это был его голос. Глубокий, скорбный, нечеловеческий.

Олег потряс головой, не желая слушать. Голос вещал правду, голую правду, а когда человек к ней готов?

Он знал, что он – самый большой трус на свете. Он панически боялся погибнуть. Боялся боли. Становилось дурно, когда смотрел на молодецкие забавы, кулачные бои. Увидев человека со шрамами, холодел от ужаса так, что подгибались ноги. Воображение рисовало картину залитого кровью лица, он словно чувствовал боль, сердце начинало стучать чаще, а ноги сами уносили в лес, где он был в безопасности.

Только отчаянный трус мог додуматься не позволять даже ударить себя. Смелые парни могли получать по роже – как с гусей вода, сплевывали кровь с разбитых губ и дрались дальше, а он не мог, не мог!

– Я не хочу! – вскрикнул он. – Опять кровь, убийства, пожары?.. И в конце концов такая мучительная смерть?

Внезапно еще один голос прорвался из небытия в его мозг. Совсем другой – нечеловечески мудрый, ясный. Олег опустил веки, во тьме заблистали искорки на обнаженных мечах,

проступили неясные фигуры, озарились слабым трепещущим светом. Олег видел, как с телеги сбросили войта, тот ползал в ногах хмурых обров, что-то верещал, вскидывал руку со сломанной кистью. Несколько обров бросились седлать коней. Вот уже ворота распахиваются, выезжают трое... нет, четверо... пять человек.

В глазах потемнело, видение исчезло. Олег попытался встать, но услышал другой голос – тоже ясный, мудрый, но уже строгий, властный. Высветилось крупное лицо: бледное, с запавшими глазами. Донесся слабый голос:

– Брат... что случилось?

Олег крепко зажмурился, разом открыл сознание: Свет мгновенно исчез, была долгая темнота, затем голос сказал потрясенно:

– Да, я увидел все, благодарю. Но ты не должен уходить с ясной дороги! Ты был один из Семи, теперь отступник, а скоро станешь простым смертным!

– Я не мог! – ответил Олег.

– Мог... Даже на плахе мудрец может мыслить мудро! Ты самый молодой из Семи, твое юное сердце не выдержало...

Олег молчал, ибо шестеро бывших братьев по Совету в этот миг и так через его глаза видели обров, пожары, кровь, девушку с перерезанным горлом. Мудрецы живут в недоступных горах, пустынях, размышляют о путях человечества непотревоженно. Под их незримым руководством создаются и рушатся империи, строятся города, возникают новые народы, а старые исчезают бесследно – человечество крохотными шажками двигается к Свету, постоянно оступаясь, попадая в ямы, тупики, а то и скатываясь к подножию горы.

– Ты слишком близко от людей, – донесся печальный голос. – Видишь их боль... Тебе нужно уйти немедленно. В горы. Надо видеть не отдельных людей, а народы. Для народа страдание бывает очищающим лекарством... Беда пробуждает от спячки...

– Народ состоит из отдельных людей!

– Когда смотришь с очень высокой горы, а в Тибете высокие и холодные горы, то видишь всю землю разом. Видишь движение народов, видишь Добро и Зло. Но даже Зло надо иногда оставлять, потом оно принесет немало Добра...

– Мы не можем видеть одно будущее! – возразил Олег.

– Да, видим сразу несколько... на выбор. Но выбираем, лепим, строим! Наш опыт позволяет решать за целые народы... Твоя беда, что живешь рядом с людьми. Их стоны поколебали бы даже нас, а ты – самый молодой и горячий...

Это я-то горячий, подумал Олег хмуро. А ему кажется, что в жилах течет вместо крови вода подземной реки мертвых.

Голос сказал настойчиво:

– Уходи сейчас же. Мы дадим тебе направление... Будем ждать в наших горах.

– Сегодня уйти не смогу, – ответил Олег.

– Наша связь слабеет, разве не видишь? Ты уже потерял половину своего Дара. Если не поднимешься над видимым, то связь оборвется вовсе. Ты уже не один из Семи Тайных Мудрецов, но ты все еще Вещий, ты не простой всеянин... Но, покинув пещеру, покинув поиски Истины – станешь им...

Голос ослабел, пока не затих вовсе. Олег открыл глаза, перед ним была каменная стена. Да, он опустился так низко, что уже не видит весь Белый Свет, а только эту пылающую в пожарах и битвах землю. Если падение не остановить, то завтра увидит уже не землю, а лишь эту весь... Но большинство людей вообще видят только свой дом, свою семью, свой огород. Они совсем не мудрые, верно. Им лишь бы спасти семьи, детей, а соседи пусть спасаются сами. Они трусливые и невежественные. Злобные и коварные. Подлые... Но все-таки люди. Подлые, ибо не научились благородству. Глупые, ибо не видят пути к мудрости. Дерутся друг с другом, ибо не подсказали им, что все – родня, что, убивая другого, всякий убивает частицу себя...

Он услышал резкий топот множества копыт. Со стороны веси на поляну галопом выметнулись вооруженные всадники. Впереди мчался крупный молодой воин, булатный шлем блистал, кольчуга позванивала крупными кольцами. За спиной звякал щит, справа на поясе висел короткий меч, слева вспыхивал длинный узкий кинжал – признак десятника.

Воин поднял коня на дыбы перед остатками костра, крикнул звонко:

– Пещерник уже ест мясо?.. Распять его на ближайшем дереве.

Сзади на Олега прыгнули с коней двое обров, прижали к земле. Десятник крикнул, в его руке блеснул обнаженный меч, и Олега потащили через поляну к толстому приземистому дубу. Остальные соскочили с коней, гурьбой двинулись следом. Гортанные голоса звучали разочарованно.

– Распять и сжечь вместе с деревом, – добавил десятник.

Один из обров поплюнул палец, поднял, пробуя ветер:

– Огонь понесет в сторону веси... Как бы не выгорела.

– А нам что? Уцелевших заставим срубить нам хоромы на новом месте. А сами пусть живут в норах.

Пещерника поставили спиной к дубу. Обрин подошел, потряхивая дорожным мешком, выудил два железных штыря, второй обрин принес тяжелый кузнечный молот. Олег поднял голову – на него смотрели дикие звери: кабаны, волки, медведи, рыси, шакалы. О двух ногах, с виду вроде люди, лишь по личине люди, а внутри – звери лютые. Двое зверей прижимали его руки к дубу, больно выворачивая лопатки. Обрин с молотом крикнул нетерпеливо:

– Поверни ладони, раб!

Олег не двигался, с горечью всматривался в лица. Обры попытались разжать его кулаки, один с силой ударил коленом в живот, наконец гаркнул:

– Да забивай выше! Если в ладони, то сорвется.

– Не сорвется. Позавчера так распяли одного.

– Этот тяжелее!

Олег ощутил холодное прикосновение штыря. Обрин ткнул острым концом ему в кисть, держал на вытянутой руке, опасно глядя на обрина с молотом:

– Гляди не промахнись, дурень!

– Не бойсь. Раз по пальцам, раз по... другому месту. Держи крепче!

Олег встретился взглядом с глазами десятника. Тот наклонился с коня, в лице было наслаждение, рот приоткрылся. Поймав взгляд пещерника, он сказал почти ласково:

– Ты будешь умирать очень медленно. Мы это любим.

Обрин с молотом широко замахнулся, на его толстых губах мелькнула улыбка – видел страх в глазах приятеля, что держал штырь. Олег страшно взвизгнул, обры на мгновение оторопели, застыли. Его рука метнулась вперед, кости молотобойца хрустнули, другой рукой Олег ударил в глаза того, кто все еще держал штырь. Двое, которые только что выворачивали ему руки, едва начали приходить в себя, как один согнулся от удара ногой в пах. Олег выдернул у него из ножен меч, успел вскинуть над головой, защищаясь от меча обрина, который раньше держал левую руку.

Они обменялись двумя ударами, но обрин был слишком потрясен, и острие меча с хрустом рассекло ему переносицу. Он закричал и рухнул на колени, выронив меч и ухватившись обеими руками за кровоточащую рану.

Олег повернулся к десятнику, который с трудом удерживал испуганную лошадь:

– Ты можешь вернуться. Скажи, пусть меня оставят в покое.

Десятник был белым, губы тряслись, но рука привычно выдернула меч, он закричал срывающимся голосом:

– Я воин! Я убивал врагов десятками!... Я бросал горы трупов...

– Не хвались, на рать идучи, – ответил Олег горько, – а хвались, идучи с рати... Горы трупов женщин и детей?

Десятник завизжал, пустил коня вскачь. Олег отпрыгнул, отбил удар меча. Десятник быстро приходил в себя, руки перестали трястись. Он уже смотрел прицельно, бил точно, а конь поводьев слушался.

Второй раз Олег отпрыгнул, но кончик меча чиркнул по голому плечу. Улыбка десятника стала шире, глаза заблестели. Тонкая струйка крови пробежала по руке Олега, с локтя сорвались частые алые капли.

Олег пригнулся, всем видом показывая, что прыгает под коня и распорет брюхо. Десятник свесился далеко влево, пытаясь достать пещерника, мечи с лязгом сшиблись, другой рукой Олег ухватил врага за край кольчуги, и конь освобожденно пронесся дальше.

Десятник гулко ударился о землю. Олег опустил саблю, однако десятник прыгнул прямо с земли – глаза вытаращены, зубы хищно блестя. Олег парировал удар, тут же ударил сам, отвернувши в последний момент лицо, чтобы не видеть, как острое железо крушит человеческие кости.

Его трясло, дыхание вырывалось из пересохшего горла с жестяным стоном. Руки дергались, губы прыгали. Он торопливо ходил кругами по поляне, унимая дрожь, отводил глаза от убитых и умирающих. Повезло, что застал врасплох, иначе пятерых не одолеть – давно не держал в руках смертоносного оружия.

Он потрогал одного ногой:

– Жив, не притворяйся.

Обрин молчал, Олег приложил острие меча к его горлу. Капли крови стекли по лезвию, побежали по незащищенному горлу и образовали лужицу в ямочке между ключицами. Обрин открыл глаза, прохрипел:

– Тиамат... Прими меня в свой мир...

Изо рта у него хлынула кровь. Олег вынес из пещеры чистые тряпицы, быстро смастерил лубки, вложил сломанную руку и крепко привязал. На рану в плече наложил лечебных листьев, примотал чистыми лентами. Насильно заставил выпить горький отвар, сказал:

– Я волхв, умею лечить. Ты приедешь к своим, скажешь, что я – пещерник, который хочет, чтобы его оставили в покое.

Он забросил обрина поперек седла на самую смирную с виду лошадь, хлестнул по толстому крупу. Лошадь тронулась, а когда скрылась за деревьями, до слуха Олега донесся учащающийся топот: обрин перестал притворяться умирающим, схватил поводья.

Олег вернулся на свой камень, где вот уже несколько лет встречал рассвет в лесу. Трава на поляне вытоптана, изломаны стебли, блестят капли сока. По краю бродят кони: шумно срывают молодые листья с кустов, под копытами хрустят прошлогодние сосновые шишки, расклеванные птицами. Пахнет свежепролитой кровью, а за кустами, в глубине, уже началось осторожное шевеление. Ветки явора закачались под налетевшими воронами. Из четырех обров один был еще жив, но жизнь вытекала с последними каплями крови. Он изо всех сил терпел боль, прикидывался убитым, дабы обрадованный враг не бросился глумиться над живым: сдирать кожу, выкалывать глаза – кромсать ножом мертвого не так сладко. Олег чувствовал печаль и горечь. Уходит из жизни человек. Он не только не видел Настоящего мира, для которого рожден, но и своего плоского не успел рассмотреть! Вышел из тьмы и ушел во тьму.

Вечером Олег подстрелил молодого кабанчика. Очищая собранные мечи от застывшей крови, посмотрелся в лезвие, удивленно покрутил головой. Изможденное лицо прямо на глазах теряет смертельную бледность, исчезли провалы щек, на глазах округляются плечи. В который раз с великим трудом вскарабкался почти к вершине, откуда рукой дотянуться до Настоящего, но как быстро скатывается к подножию в простенький мир, где удар мечом или пущенная

стрела служат самым веским доказательством правоты! Уж не про него ли придумана притча, в которой человек безуспешно тащит на вершину горы огромный камень?

Обры – воины-звери, подумал он, воскрешая старые клички. Для них сильный как бык, храбрый как лев, лютый как волк – не слова из песни кошунника. Они подражают зверям, изо всех сил – на беду, довольно успешно – стараются превратиться в зверей. Поедая убитого хищника, принимают его повадки, ибо мощь и душа зверя обязательно переливаются в их тела. Ритуал поедания почти убитого противника у обров привел к воинскому людоедству, как случилось во многих племенах: голову на отрез, еще у живых противников пожирают печень, пьют кровь.

Они подражают зверям в походке, надевают шкуры, украшают себя клыками и когтями убитых зверей. Полагают, что обладают неуязвимостью, если впадают в бешенство в бою, отбрасывают щиты, а на противника бросаются с неистовой яростью, с криком, воем, пеной на трясущихся губах. Это приводит в оцепенение жителей веси, нагоняет страх на противника, если тот сам разъярен недостаточно или не жаждет окрасить меч в крови. Но если человек не дрогнет, выдержит первый бешеный натиск воина-зверя, что тогда?

Олег посмотрел на свои ладони, сжал и разжал пальцы. Обры – не просто одно из племен, которое, как и другие племена, как и он сам, блуждает в полумраке, отыскивая дорогу к свету. Обры – племя, стремящееся во тьму, старающееся приблизиться к зверю, изо всех сил гасящее ту искру божественного огня, которую зажег в людских душах великий Род. Значит, обры – его враги. Не враги его народа, здесь все народы – осколки его племени, а враги его души...

Он запоздало и с некоторой досадой напомнил себе, что все племя не может стремиться к свету, как не может стремиться и к мраку, а обры вряд ли племя, скорее, тайное или явное воинское сообщество, братство, какие часто встречал у разных народов. Например, хатты с железными ошейниками, что странным образом из знака бесчестия превратились в знак чести. Олег напряженно размышлял, но руки уже работали, умело выпарывали из убитого оленя жилы, сдирали слизь, натягивали... Он сам удивился, как работали умело, словно он и не провел долгие годы в уединении, безмолвии, в тягостных раздумьях об Истине.

Вскоре две новые тетивы были готовы: одна на лук, другая в запас. Предыдущие истлели, пока он искал Истину, но не заржавел грозный двуручный меч – когда-то назвал его Последним Криком. Он не помнил, когда пришел обычай давать мечам имена, но уже у Таргитая был такой меч. На мече клялись, меч был признаком свободного человека, боги вовсе не расставались с мечами. Даже новый пророк заявил, что не мир он принес, а меч, а если у кого нет меча, то пусть продаст плащ свой и купит меч. Но ведь еще Таргитай, ныне Сварог, пытался перековать мечи на орала! Поторопился певец...

Олег нахмурился, раздраженно повел лопатками, поправляя меч за спиной на перевязи. У него просто меч. Просто двуручный меч, у которого не может быть имени, ибо он, Олег, давно не волхв, не боец, а мирный пещерник, мучительно отыскивающий Истину!

Он дремал, привалившись спиной к стене, когда в сонных видениях появилось бледное лицо, он услышал голос. Свой собственный голос, ибо его душа, свободная от мирских забот, понимала, знала, еще дальше заглядывала в грядущее. Олег не все понял из смутного видения, но в груди возникла тянущая пустота, а в животе ощутил холод, словно проглотил кусок льда. Он падал с рассеченной головой, на него обрушивались топоры с широкими лезвиями. Потом его привязали веревкой к коню, потащили труп по земле – тело подпрыгивало на выступающих корнях, камнях, оставляя ключья кровавого мяса на острых сучках валежин... Мелькнула его пещера – обры садились на коней.

Восход солнца застал его спускающимся из леса к терему. Он был в холщовой рубахе, на широком поясе висел Последний Крик, за плечами торчали лук и колчан со стрелами. Лицо было темным, как грозная туча.

Олег прокрался задами, перебегая от сарая к сараю. Открытые места проползал, прижимаясь к земле, замирал при каждом шорохе. Шум, звон железа и ржание коней доносились от самого высокого терема. По узкой улочке между хатками часто проносились всадники.

Ворота терема были распахнуты, туда по двое-трое въезжали вооруженные обры. Кони были под попонами, обры захватили тяжелые топоры, у некоторых вдобавок к седлу были приторочены длинные копья, широкие щиты, шестоперы и палицы, утыканые шипами. У коновязи уже грызлись и обнюхивались четырнадцать оседланных коней.

Ворота терема отворились. Все повернулись к вышедшему на порог тучному человеку в расшитом халате, и Олег незаметно перебежал к самим воротам во двор. Толстый живот обрина вываливался поверх широкого шелкового пояса, лицо блестело от жира. Во дворе затихло, всадники перестали горячить коней, вытянули шеи.

– Воины! – крикнул толстяк неожиданно тонким визжащим голосом. – Вчера погиб десятник Дермадуп, вы его знаете как храброго воина. С ним остались еще четверо отважных... Убил их всех пещерник, который живет в том лесу!

Один из всадников закричал зычным голосом, побагровев от собственного рева:

– Откуда известно, что убил пещерник? Может быть, восстали дулебы?

– Один из раненых сумел спастись, – объяснил толстяк в халате. – Правда, ночью ушел в мир Большой Кобылицы... Он рассказал все и поклялся на своем оружии.

– Которое он позорно бросил в лесу, – хмыкнул недоверчивый воин. – Кто этот пещерник? Великий маг?

– Колдовства не было, успокойтесь... Он убил умело, захватив врасплох. Пещерниками становятся не только слабые да увечные. Иной раз великие воины дают странные обеты... Разве не ушел в пустыню великий Сракотак, победитель дракона? Ушел в расцвете сил, отказался от руки дочери падишаха и от всего царства! Об этом поют самые трусливые из певцов, но даже они не понимают...

Другой воин, краснощекий, с ниспадающими на плечи волосами, вскрикнул:

– Если он был великим воином, то я первым сражусь с ним!

Толстяк предостерегающе поднял руку. Лицо его было встревоженным, хмурым.

– Лучше забросайте дротиками издали. Убейте стрелами. Я не хочу терять людей. Нас пришла сюда сотня, а погибло уже восемь, если считать доблестно погибшими и тех, кто утонул спьяну, упал с дерева, захлебнулся в блевоте...

Краснощекий заорал, надсаживаясь и выгибая грудь еще круче, словно петух на заборе:

– Я потерял счет битвам, как дурак десятник потерял счет бабам! К обеду все увидите его голову на моем копье. Я сам вырву его печень, съем сердце, а из черепа сделаю чашу и буду пить вино, лежа на животах дулебских женщин!

Он начал поворачивать коня от крыльца, и в этот момент Олег поднялся во весь свой немалый рост.

– Я принес свою голову сам, – заявил он громко в мертвой тишине. – Иди и возьми ее!

Во дворе все замерло. Толстяк застыл с открытым ртом, не двигались всадники с отважным сотником. Наконец сотник опомнился, крикнул торопливо:

– Это в самом деле великий воин! Как твое имя?

– Что в имени моем? – ответил Олег тяжело. – Вы потеряли пятерых, нарушив заповедь не трогать храмы и служителей, Искателей Другой Жизни. Повторяю: не трогайте меня! Я живу в лесу, питаюсь растениями. Ни во что не вмешиваюсь, хотя дулебы – это мой народ...

Сотник прервал, голос был подозрительным:

– Почему ты не со своим народом?

– Я с ним, – ответил Олег.

– Почему не воюешь? Не мстишь за убитых?

Олег вздохнул, не умея ответить. Око за око, зуб за зуб... Когда-то и он думал, что только так справедливо, именно так честно, но потом ему открылось, а этим – нет. Беда в том, что даже взрослому трудно объяснить, чем плохо око за око, а как втолковать детям?..

– Я ищу другой путь, – ответил он.

– А найдешь? – поинтересовался сотник. Его пальцы сомкнулись на древке копья, чуть передвинулись, выбирая равновесие.

– Не знаю.

Улыбка сотника вдруг превратилась в оскал, глаза сузились.

– Таких, как ты, много... К счастью!

Он швырнул копье так резко, что всадники не успели даже проводить взглядами. Олег ожидал броска, качнулся в сторону, одновременно натянул тетиву:

– Таких, как ты, тоже много... на беду!

Стрела пробила железную пластину доспеха с такой легкостью, словно обрин был в полотняной рубахе. Оскалив зубы, он с воем ухватился за белое оперение, а три новых стрелы ударили в ближайших воинов. Четвертая достала толстяка, выбив зубы и вонзившись в раскрытый рот так, что острое вылезло из затылка.

Олег успел выпустить еще три стрелы, воины с копьями шатались в седлах, иные пронзены насквозь, оставался еще один с дротиком, и Олег, отражая удары мечом, все время держал его в виду. Наконец тот метнул, размахнувшись так широко, что едва не упал. Олег подпрыгнул, одновременно ударил сапогом в чужое лицо, копье ловить не стал – метнуть не дадут, бешено завертелся во все стороны, бил мечом, ногами.

Двое всадников осадили коней, торопливо отвязывали от седел копья. Олег подхватил лук, взлетел на забор, побежал по торцам вбитых в землю бревен – в десятке шагов высился длинный сарай, к нему примыкали конюшня и кузня, а дальше общая крыша соединяла подсобные строения с теремом.

Мимо с шумом, треща расщепленным концом, пролетело короткое копье. Олег с разбегу вспрыгнул на крышу сарая, пронесся на другую сторону, слыша, как прогибаются крытые гонтой доски, пробежал по крыше конюшни, перепрыгнул на терем – тот был всего на сажень выше.

Во дворе стоял крик, вертелись, как юла, всадники, дико ржали испуганные кони, трупы обрвов распластались в лужах крови. Олег с замирающим от страха сердцем повис на кончиках пальцев, цепляясь за скользкие дощечки на краю крыши – со двора могут поразить стрелами, а из окна терема легко пырнуть копьем в незащищенный живот!

От этой мысли стало так жутко, что пальцы начали разжиматься. Он поспешно качнулся, вышиб раму и ввалился в терем. Перекувырнувшись через голову, вскочил как остервенелый кот: оскаленный, лютый, готовый драться до последнего.

В горнице находились три женщины. Две старые, третья совсем молоденькая, с копной иссиня-черных волос. Обе старые карги завизжали так, что в ушах, привыкших к лесной тишине, заломило от боли. Юная красавица вздрогнула, закусилась нежную губу. Ее неправдоподобно большие глаза быстро обежали его с головы до ног, остановились на плече, где была кровь.

– Тихо! – приказал Олег.

Старые женщины завопили еще громче. Одна люто размахивала ножом, другая, ковыляя, как хромая лошадь, теснила красавицу в глубь комнаты. Девушка ухватилась маленькими пальчиками за рукоять разукрашенного кинжальчика, ее глаза тревожно блестели.

– Всех зарежу, – пообещал Олег зловеще, – если не замолчите!

За дверью раздался приближающийся топот. В горницу с грохотом ворвались вооруженные обры. Их было четверо, но тут же стало трое. Когда еще один упал, зажимая распоротый живот, двое оставшихся получили простор и сразу пошли на Олега с двух сторон. Опытные,

закаленные, они знали свои силы, верили в удачу и наверняка умели брать могучего зверя с боков.

Олег прыгнул к правому, но тут же не глядя ударил мечом назад. Там легко парировали – удар знаком, но оба противника не ведали, что пещерник знает нечто еще. Один осел на пол, пытаясь ощупать окровавленными пальцами разрубленную голову, другой прыгнул, выставив меч. Это был не обрин – вместо плоского лица с выступающими широкими скулами на Олега смотрело смуглое черноглазое лицо с хищным длинным носом и выпяченными губами. Лицо было узкое, как лезвие топора, даже одет противник был иначе: в просторный хитон, но мечом орудовал на удивление быстро и очень умело. Олег насел, стремясь покончить за два-три удара, ибо за дверью снова слышался топот множества ног.

Внезапно он услышал отчаянный девичий вскрик:

– Не убивай, это мой брат!

Олег успел повернуть меч плашмя, удар бросил обрина – или кто бы он ни был – на пол. Девушка кинулась к упавшему, переступив через умирающих, упала на колени. Олег перебежал в другую комнату, сшиб всем телом по дороге обрина, другого ударил о деревянную стену так, что затрясся весь терем, бегом пронесся через две светлицы и вдруг поразился наступившей тишине: далекие крики и звон оружия не в счет, оказывается, не слышно стало двух старух, что невыносимо визжали все время.

Сметая всех на пути, он ворвался в огромную поварню. Два тучных мужика пыхтели возле котлов, третий с недоумением прислушивался к отдаленным крикам, ржанию, звону железа. В двух огромных очагах жарко полыхал огонь, на широкой жаровне, раскаленной до вишневого цвета, яро светились крупные угли.

– Не двигаться! – прогремел Олег.

Он сдернул с замершего мужика холстяной рушник, подхватил жаровню, отвернув от жара лицо, бегом вернулся в комнату. Навстречу уже бежали воины, в их руках зловеще блестя мечи и топоры.

Олег с размаху швырнул жаровню им под ноги. Горящие угли рассыпались густо, показались, оставляя за собой дымящиеся дорожки. Сразу вспыхнуло желтое пламя, взвились тонкие струйки черного дыма. Один воин успел перепрыгнуть через пламя, но напоролся на меч Олега. Остальные прижались к стенам, начали осторожно продвигаться вперед, выставив перед собой мечи и топоры.

Все заполнялось дымом, сразу стало жарко, в горле запершило, а в глазах началась резь. Олег отступил обратно, захлопнув дверь и торопливо задвинув толстый железный засов. Повара исчезли, в углу мелко тряслась худая, как вобла, женщина с серым лицом.

– Уходи, – крикнул Олег. – Терем из сухих бревен! Предупреди соседей.

Женщина покорно выскользнула через боковушку. В дверь грохали тяжелым, доски трещали. В щель просачивался черный как деготь дым. Удары участились, за дверью оралы, выкрикивали проклятия. Олег с мечом на изготовку бегал по поварне, стучал рукоятью в каменные стены, топал, вслушивался изо всех сил, надеясь услышать гулкий ответ.

За дверью тяжело грохнуло, послышался топот убегающих ног. Олег зло оскалил зубы: не вытерпели, а ведь осталось два-три удара – дверь бы рухнула. Впрочем, в горле першит, глаза слезятся от дыма. Вот-вот вовсе задохнется, если немедля не отыщет вход в подполье. Должен быть здесь, в поварне! Не тащить же в самом деле запасы издалека, проще поднимать снизу прямо к котлам, вертелам, жаровням...

Он бегал по кругу, кашлял, тер кулаками слезящиеся глаза. Стены скрылись за волнами густого дыма, он задыхался от жара, волосы на голове потрескивали, а рукоять в ладони разогрелась, взмокла.

Внезапно, уже почти теряя от удушья сознание, он что-то ощутил под подошвой. Задыхаясь, упал на колени, подцепил ногтями утопленное в каменной плите засыпанное сверху

сором, рыбьей чешуей и просто залепленное грязью железное кольцо. Кашляя, потянул плиту на себя, едва не задохнулся от пахнувшего холодного воздуха.

Не помнил, как скользнул в подвал. Каменная крышка бухнула по стене, отгородив от дыма, огня и сухого жара.

Не двигаясь, он пошарил правой рукой по стене. Уже бывал в таких подвалах: во всех племенах и у всех народов, детей Ария, в таких глубоких подпольях справа на уровне груди в стене делали неглубокую выемку...

Пальцы, скользя по плесени, коснулись деревянной полочки, Олег невесело, но с облегчением улыбнулся. Даже в такой мелочи! Но родства не помнят, бьются остервенело.

Он взял кресало, быстро высек огонь и раздул трут. Красный дрожащий огонек осветил огромный подвал, вдоль стен тянулись бочки с квашеной капустой, моченой брусникой, засоленной рыбой. Бочонки вина?.. Нет, в этих краях пьют хмельной мед. Вот бочонок цветочного меда, вот гречишный, липовый, конюшинный... Два бочонка стоят отдельно – просто мед. Не хмельной.

Сверху через тончайшие щели в подвал потихоньку просачивался горьковатый запах дыма. Олег настороженно прислушивался к едва слышному треску. Терем полыхает вовсю, кто замешкался – сгорел. Вряд ли в такой суматохе успели вынести раненых. Впрочем, лучше думать, что раненых не осталось.

Олег сжал и разжал кулаки. Отвык, что они такие огромные. Не замечал. Скорее всего раненых не осталось.

Багровое жаркое пламя рвалось из терема в безоблачное небо. Густой черный дым завивался гигантским винтом, нес по кругу искры. Жар был таким, что никто не смел подойти к терему ближе чем на две сотни шагов, а к небу вместе с дымом взметывало горящие угли, головешки. Уцелевшие от резни дулебы, как жуки, карабкались на крыши своих хаток, спешно выплескивали воду из ведер на долетающие с ветром искры.

Обры согнали жителей веси, велели таскать воду, но первые же несчастные упали под прыгающими бревнами замертво, не дойдя даже до ворот. Терем, сложенный из бревен в полтора обхвата, выдержал бы осаду, но что могут люди, когда гnevаются боги?

Вот последние бревна рассыпались под тяжестью рухнувшей крыши, взметнулся рой искр, и десятник Дупоглазрук начал пересчитывать уцелевших. Погиб сотник, походный шаман, три десятника и семнадцать воинов. Кто пал от меча пещерника, кто, как жалкая крыса, задохся в дыму... Проклятый пещерник! Или местные боги мстят за угодного им человека?

Бревна еще догорали, а Дупоглазрук поспешно поставил оцепление в три ряда. Умелые лучники не выпускали луки с наложенными стрелами, другие держали наготове копья и дротики. Вот-вот из пылающих развалин выскочит человек в горящей одежде – то ли злой демон, то ли чужой бог!

Когда бревна начали рассыпаться на угли, Дупоглазрук велел собрать багры, растащить тлеющие остатки. Задыхаясь от жара, шагая по щиколотку в горячем пепле, что при каждом шаге вздымался серым облаком, забивая дыхание, жители таскали бревна, железные решетки, скобы.

Один из обров споткнулся о широкую каменную плиту с толстым металлическим кольцом в середине. Дупоглазрук засуетился, расставил троих опытейших воинов вокруг плиты, велел взять молоты.

– Он сгорел, – сказал с сомнением. – Наверняка сгорел! Должен был сгореть. Но вдруг когда-либо якшался с хозяином этого терема? До того, как дурака скормили псам? И тот рассказал пещернику про свой тайный подвал?

Еще два десятка воинов встали вокруг широким кольцом, обнажив мечи. Лучники натянули луки, три силача вскинули над головами молоты. Дупоглазрук с трудом поднял плиту,

на всякий случай отскочил, а один из воинов прикрыл его щитом. В подвале было темно, тихо, оттуда тянуло могильным холодом.

Гульчачак сидела на обрывистом берегу речушки, щеки были в черных пятнах сажи, дорогая одежда зияла дырами с опаленными краями. Морш лежал рядом, уткнувшись лицом в зеленую траву, морщился от боли. Голова его была перевязана, над ухом темнела грязно-коричневая корочка засохшей крови.

– Он выглядел как молодой див, – сказала Гульчачак, – как прекрасный джинн...

– Ты уже говорила, – напомнил Морш.

Он был жилистый, поджарый, с длинными мускулистыми руками. Темные глаза блестели из-под иссиня-черных лохматых бровей, нос длинный с горбинкой – никакое забрало не спрячет, губы пухлые, как у сестры.

– Говорила? Но ты сам не находишь его странным?

– Да. Это меня тревожит. Обры чересчур свирепы и бесчеловечны. Они потревожили пещерника. Даже обычный человек рассвирепеет, когда бесчестят его женщин, может схватиться за меч. Почему же станет терпеть бог, если бесчестят храмы, убивают его волхвов? Однако я не вижу другого пути, чтобы утвердить нашу истинную веру. Повергая чужих богов, сжигая их капища и убивая волхвов, обры утверждают в этой вере, которую мы принесли им!

– Обры все равно зачастую поклоняются своим ложным богам, – напомнила она строго. – Шаманов не изгнали!

– Все придет. Простой народ еще долго будет цепляться за божков. Это везде так.

Она поболтала маленькими ногами в воде, спросила с вновь вспыхнувшим интересом:

– Что ты можешь сказать про этого пещерника?

Морш угрюмо молчал. Гульча погладила его по волосатой руке, заглянула в глаза.

– Бывал в битвах, – сказал он медленно. – Наемник...

– Откуда видно?

– Защищая лишь свою весь, не обучишься искусству боя. Лучшие в мире лучники – парфяне, так вот он сгибает локоть, как парфянин, стрелы у него длинные, парфянские. Наконечник стрелы – расширенный и тяжелый. Но вот такого составного лука я еще не встречал!.. Однако о них есть упоминания в наших древних книгах. С ними явились в нашу страну свирепые северные скифы, с такими же луками должны прийти с севера страшные Гог и Магог... Его меч прямой и широкий, клинок в два локтя с пядью, да рукоять для двух рук в три четверти локтя... Такие носили сарматы, самые свирепые воины, но где теперь сарматы? А меч – вот он! И дрался этот странный пещерник так, будто глаза вырастил и на затылке, а рук у него не две, а по крайней мере восемь. Это был великий воин, помяни мое слово, Гульча!

Имя звучало ласково, хотя ее звали не Гульча, даже не Гульчачак. Впрочем, Морша на родине тоже именовали иначе, но обры исковеркали их имена, приблизив звучание к своим, и оба миссионера не спорили, сами называли друг друга этими странными именами.

Вдруг ее огромные глаза вспыхнули на перепачканном лице, как звезды...

– Может быть... это переодетый сын падишаха?

Он равнодушно пожал плечами:

– Он может быть сыном падишаха, преступником, беглым жрецом, купцом, ремесленником. Однако я даю руку на отсечение, что о его делах мы слышали. Мир тесен, а певцы скитаются по всему свету. Этот не может быть знаменитым Ракоглазом – победителем дракона, – случилось давно, не может быть и доблестным Очкооколом – истребителем великанов...

– А Хлопстом, о котором часто поют?

Морш медленно покачал головой:

– Хлопста я видел, когда тот вернулся после победы над Югорской ведьмой. В кости помельче, глаза коричневые, черноволосый, а через левую щеку опускается глубокий шрам. А у этого пещерника волосы как червонное золото, а глаза...

– Зеленые-зеленые, – проговорила Гульча. Она мечтательно вздохнула. – Как изумруды, как вода в океане... Что там в глубине? А лицо чистое, без шрамов. Он не воин?

Морш пробурчал:

– Может, привык на чужих лицах оставлять шрамы.

– Он погиб?

– Наверняка. Обры спустились в подвал, шарят там. Если найдут, он погибнет на месте. На этот раз за ним охотятся всерьез. А из подвала другого выхода нет.

Обры спускались в подвал осторожно, держа пылающие факелы в одной руке, мечи – в другой. Когда их скопилось внизу два десятка, в подпол слез десятник, а за ним еще тридцать воинов. Лучшие из лучших, они быстро и умело открывали крышки, тыкали копьями в квашеную капусту, переворачивали кадки, обшаривали все углы и все щели.

– Здесь его нет! – доложил один молодой воин торопливо, в голосе звучало разочарование.

Десятник, теперь он командовал уцелевшими из сотни, проговорил с великим облегчением:

– Значит, остался наверху в горящем тереме. Так и должно было быть – сюда отыскать ход совсем не просто.

Он напускал грозный вид, но внутри все холодело от страха. Хорошо бы захватить и распять на дереве, как велит обычай, но как такого взять живым? Пусть лучше сгорит, не жалко. Это трусливое племя дулебов сжигает своих покойников, у них даже жены идут в огонь за мужьями, так что местные боги на этот раз не должны мстить за гибель своего волхва.

– Проверьте каждую щелочку, – распорядился он громким голосом. – Загляните под каждый камешек. В каждую мышиную норку!

Толкаясь, мешая друг другу, вооруженные до зубов обры начали перекатывать бочки, прислушиваясь к плеску пива и меда, выбивали дубовые затычки, пробовали мед и пиво, тыкали копьями – вдруг проклятый колдун обратился в рыбу, плавает?

Глава 3

Обливаясь потом, Олег сидел не шевелясь, прислушиваясь к грузному топоту над головой. Колени почти упирались в подбородок, между лопаток по спине текли теплые струйки, рубашка прилипла к спине. В обширном подполье, где хранились запасы еды и питья, осторожный хозяин прорыл вдобавок еще один тайный подвальчик на случай лихой години – разбойные племена налетят, тиверцы придут с набегом, хазары ли вышлют отряд головорезов... Этот малый подвальчик в большом подвале был спрятан особо хитро. Не знай Олег о такой привычке дулебов, никогда бы не догадался и уже лежал бы наверху в большом подвале с разрубленной головой и чужие ноги топтались бы в лужах его крови.

Он отыскал эту потайную плиту, когда вверху уже поднимали крышку, успел увидеть свет факела, тот освещал лишь злобные лица, но не рассеивал тьму всего подземелья. Когда по ступенькам затопали тяжелые сапоги, он неслышно скользнул в тайник, бочка с квашеной капустой съехала на прежнее место, накрыв секретную плиту. Над ним топали, тыкали копьями, все осматривали и перетряхивали – мышь не ускользнула бы. Изрубили капусту, рыбу вытряхнули на земляной пол. Рыбный рассол потек к Олегу через узкую щель. Встревожился было, но обры не заметили, а еще считают себя умелыми воинами!

Затем в подвал начали спускаться другие люди, хохочущие, нетвердо стоящие на ногах. Их голоса были громкие, кто-то даже затянул песню – унылую, как их степь. В тайник к Олегу доносились пыхтение, ругань, скрип сдвигаемых с мест бочек. Он прислушивался к шуму, веселью, считал, сколько раз над головой прогрехочет тяжелый гром: обров интересовали бочки с медом и пивом...

Много позже осторожно поднял ляду, прислушался, выбрался из тайничка в подвал. Запах гари полез в горло, защипало глаза. В подвале темно хоть глаз выколи, но вверху в черноте светится звездочка – верхняя крышка открыта, видно клочок ночного неба. Хорошо. Услышит заранее, если кто вздумает спуститься в подвал. Пока что лишь слышны в ночи пьяные песни, недалеко – шагах в ста.

Он прокрался на цыпочках, выставив перед собой руки. Тяжелый меч приятно оттягивал ремень на плече, за другим плечом был лук со стрелами. Олег нащупал ногой ступеньки, осторожно пошел вверх. На последней застыл, прислушиваясь. Когда-то его знали как вещуна, который может предвещать будущее, он и предвидел – пути народов, походы великих царей, падение империй, но никто не ведает, что ждет его завтра или даже сегодня за ближайшим углом!

Он долго прислушивался, ловил запахи. Ноги начали подрагивать, наконец ощущение опасности миновало, но в любой момент кто-нибудь из пирующих на просторе обров может подойти к открытому подвалу, заглянуть, а то и полезть за медом. Олег легко выпрыгнул, пригнулся, расставив руки и готовый к схватке.

Над ним колыхалось огромное звездное небо, воздух был холодный, с сильным запахом гари. Под ногами хрустели головешки, луна пряталась за тучами. Он передернул плечами – свежо. Заскакивал в подвал, зная, что над головой три поверха огромного терема из толстых бревен, а вылез прямо будто в середине скифской Степи. На востоке над самым виднокраем серела полоска, будто черное небо какая-то сила отрывала от такой же черной как деготь земли. Эта сила звалась Белым Светом, что Род создал в первый день творения. Белый Свет могучим клином вонзился между землей и небесной твердью, победно теснил ночную тьму.

Ноги по щиколотку погрузились в теплый пепел. В стороне горел костер, ветерок принес пьяные вопли и запах жареного мяса. Олег прокрался к темнеющим силуэтам построек. Конюшня сгорела начисто, как и кузня, а ближайшие хаты зияли голыми балками крыш.

Глаза привыкли к скудному свету, он пошел скольльзящим шагом, как учил его Мрак, великий охотник и самый старый друг: под ногами не шелкнул ни единый древесный уголек. Сделав круг, он зашел к сидящим у костра с тыла, присел во тьме, начал всматриваться, вслушиваться в песни. Что за народ обры? Он видел многие племена и по одной пряжке мог сказать: крупное племя или нет, управляет вождь или старейшины, власть выборная или по наследству, каким богам поклоняются...

С содроганием понял, что обры – исключение из всех известных племен. Славянские ли кузнецы, скандинавские, германские или восточные – оружие куют, как цветок на клинке оставляют, узор хитрый, а рукоять вовсе в облике прыгающего барса или грифона делают. А чеканка, отделка серебром и золотом шелома, конской сбруи, поясов, ножен? Щиты – картины: василиски, птицы Сирин, полканы, разрыв-трава и цвет папоротника... А вот у обров мечи – плоские, мертвые, без узоров. Щиты – обтянутые кожей плетенки из лозы, чтоб меч, скользнув по одной, тупился о другую. Ножны – только ножны, пояса – пояса, на шеломе, что на голове красуется – не на пне! – даже намек нет на узоры.

Он передвинулся, всматриваясь в пирующих обров до рези в глазах. Невероятно! Раньше был уверен, что такой народ не может возникнуть. Существует богами данная связь между человеком и тем, что мастерят его руки. По оружию, одежде, домашней утвари, по узорам, которыми народ изукрашивает их, Олег безошибочно узнавал, как работают головы и сердца, понимал характер, чуял горячую кровь или рыбу, видел умение уживаться. Бросив беглый взгляд на узор клинка или одежду, он уже знал, что ожидать от этого человека, не как воина, а именно человека...

Видя обров, содрогался.

Он попятился в темноту, его трясло. Он ощутил себя слабым, беспомощным. Неужто опять его ведет незримая сила, более мощная, чем он сам? Нельзя остановиться, говорить с обрами, убеждать их, попробовать повернуть к Добру... Души обров поразило что-то ужасное, они черные внутри, и такой народ или племя, а скорее воинское братство, – обречены. А он обречен вести с ними бой.

Олег устало, словно нес на плечах горный хребет, потащился обратно в лес.

В пещере он долго и безуспешно звал Тайных. Да, он отступник, ибо оставил волховство, стал ведуном, ищет новые пути к Истине. Но из Семи Тайных ненавидит его только Фагим, глава Совета, с остальными удавалось мысленно общаться все годы. Они осуждают за отступничество, по-прежнему верят в старые пути, но все же общались!.. Или он сам настолько выпал в этот плоский мир, что потерял былую мощь, может общаться лишь, как и все здесь, криками и жестами?

Голова раскалилась от усилий, но под плотно стиснутыми веками он видел только черноту. Поплыли светлые пятна, потом – цветные, замелькали узоры, словно жилки на молодом листе, но всматривался напрасно – просто пятна, просто узоры, что исчезали, размывались, заменялись другими. Он ощутил слезы на щеках. Соленые как море, горькие.

Когда рассвет оттеснил ночь, Олег выбрел из пещеры на вершину холма, лег за огромным валуном, похожим на исполинский бараний лоб. Высоко в небе загорелись облака, подожженные стрелами Сварога, как совсем недавно горел терем племенного вождя дулебов. Олег перевернулся, уткнул горячий лоб в холодную землю. Увы, Апия, мать-сыра земля, заботливо охлаждала жар своего дитяти, лелеяла по-матерински, но молчала. Богиня знала все ответы на старые вопросы, но жизнь уже мчалась новыми, неведомыми ей путями.

Над головой заверещали птахи. Наскоро почистились, упорхнули, трепеща от возбуждения крылышками, спеша первыми осмотреть трухлявые пни, стволы, муравьиные кучи. Поздняя пташка глазки продирает, а ранняя уже носик прочищает.

Он затянул ремень на плече, закрепляя перевязь с мечом на спине, неслышно побежал вниз к селению дулебов. Решение, которое принял, было таким простым, плоским, что стало

горько от непочтения к самому себе – в мирской жизни сложностей нет вовсе! Но опасности и крови – много.

Десятник Дупоглазрук пировал с лучшими воинами. Терем сгорел, а из оставшихся домов лучший оказался у нового войта. Теперь войт висел на воротах – посинел, язык вывалился, глаза как у совы: веревку выбрали потолще, шершавую, чтобы не задавила сразу. Всю ночь слышны были хрип, стук босыми пятками в толстые доски. Затих лишь к утру. Бабу зарубили – выла громко. Две малые дочки, в разорванных сарафанах, истерзанные грубыми утками, прислуживали страшным обрам. Была еще одна, но та не выдержала. Кацапаган, старый вояка, предложил свой кинжал тому, кто придумает что-то новенькое. Выиграл, конечно, он сам, но едва не разорвал ее пополам, потом она чудом не задохнулась, а под конец детская спина хрустнула, и девчонка перестала двигаться, но еще жила. Ее сбросили с крыльца, а затем кто-то из обров, проходя к колодцу, равнодушно наступил сапогом на тонкое горло, услышал хруст и пошел дальше.

Они пировали с вечера, похоронив убитых, смыв копоть после пожара. Дупоглазрук остался старшим: проклятый пещерник выбил стрелами всю верхушку. Трудностей Дупоглазрук не ждал. Сейчас десятник, завтра будет сотником, как только известие о резне донесется на конских копытах до походного хана. А пока он с лучшими из уцелевших пил странное вино, приготовленное из меда, – сладкое, липкое, но с мощным ароматом, и крепкое, как удар кулака в боевой рукавице.

Кацапаган в который раз рассказывал о схватке у ворот, когда едва-едва не поразил увертливого пещерника – еще миг, и тот бы пал от мощной длани Кацапагана. Его слушали вяло, пили хмуро. Ермагама швырял обглоданными костями в младшую дочь, стараясь попасть в глаза. Заплаканная, она не пыталась уворачиваться, едва держалась на ногах, по внутренней стороне детских ножек текла струйка крови.

– Это кто-то из наших, – заявил десятник свирепо. – Дулебы воевать не умеют, мы их стерли в прах в первом же сражении!.. Это какой-то из наших!.. Я слышал, не все приняли начертанный богами путь.

– Те ушли давно, – пробормотал Кацапаган. – Когда хан Обад принял новую религию... Не все согласились отдать всех своих богов за одного чужого. Не все!

– Это было давно, – согласился третий, ветеран многих войн Крагатак, – к тому же то было далеко, на родине. Откуда взялся этот?

– Уходят и потом, – возразил десятник. – Кто знает, когда приходит малодушие? В какой момент суровая душа вдруг становится уязвимой, доступной унижающей воина жалости?

– Хорошо, что сгорел, – сказал Кацапаган. – А то, глядишь, и другие...

Над ухом резко хлопнуло. Кацапаган оглянулся, с недоумением смотрел на лохмотья от бычьего пузыря, тонкой пленкой которого дулебы затягивали окна. Сейчас в окно дул свежий ветер, солнце бросало в избу яркие лучи. Хрип с середины комнаты заставил Кацапагана оглянуться в другую сторону. Десятник неестественно запрокинул голову, из горла торчало белое оперение стрелы, а острие высунулось с другой стороны толстой высокой спинки резного стула.

Все застыли. Это длилось лишь миг, тут же Крагатак с грохотом полетел из-за стола: стрела, ударив в лоб, отшвырнула на середину комнаты. Кацапаган не двигался, чувствуя, что находится под защитой стены, третья стрела свистнула совсем рядом – грузный Ендлярма рухнул без звука: стрела попала в висок, пробила голову насквозь.

Двое уцелевших поспешно плюхнулись на пол среди объедков, отползли под защиту стен. Один замешкался, стрела в последний момент вонзилась под лопатку, и он быстро затих, царапая ногтями пол.

Прямо над ухом замершего Кацапагана за стеной прогремел страшный, как львиный рык, голос:

– Меня хороните?.. Это вы все трупы!

Кацапаган сидел за столом не шевелясь, даже боясь выпустить кубок из онемевших пальцев. Спиной он вжимался в стену, чувствуя там, на просторе, огромного страшного человека. В углу застыл Мирошноман – храбрый, неустрашимый, но теперь бледнее стены, под которой искал защиты. Он встретился взглядом с Кацапаганом. Тот не двигался, страхась окна, рядом с которым сидел, боясь отодвинуться.

За стеной было тихо. Кацапаган начал мелко трястись, двор был заполнен бляньем коз, кудахтаньем, скрипел колодезный ворот, а в это время чужак наверняка уже крадется к другому окну – их еще два! – оттуда выстрелит в него... или Мирошномана.

Он успел умереть сотни раз, в желудке будто образовалась огромная глыба льда, и все тело холодело, застывало от ужаса. Вдруг дверь с треском распахнулась – оцепеневший Кацапаган даже не шелохнулся, уже в душе мертвый, – через порог шагнул пьяный Когуторман. Он уцепился за косяк, перекосил рожу:

– Ну и надрались... А еще на меня... Вымойте сперва свои грязные пальцы, прежде чем указывать на мои пятна...

Мирошноман оторвал голову от пола, спросил сдавленно:

– Там за хатой... видел кого?

– Никого, – ответил Когуторман и рыгнул. – А что, каджи привиделся?..

– Нет, но...

– А что вы... Великая Кобылица!.. Передрались, что ли? И вина сколько разлили, болваны неотесанные, а еще новому богу кланя...

Кацапаган, разом ожив, метнулся через всю комнату, опрокинул стол, выскочил на крыльцо. На пустом дворе бляела и пыталась оборвать веревку одинокая коза – не кормили со вчерашнего дня. У ворот молодой обрин гонял на длинном поводке дикую лошадь, хлыстом приучал к полной своей власти. И лошадь, и молодой воин усталились на взъерошенного Кацапагана с удивлением – у парня отвисла челюсть, а лошадь фыркнула.

Кацапаган вдруг понял, что после гибели десятника теперь он старший. Повернулся на крыльце, крикнул:

– Мирошноман! Когуторман! Выносите раненых. Пещерника нет, скрылся.

Из хаты донесся протрезвевший голос Когутормана:

– Раненые? В них жизни как в скамье, на которой сидят! Стрелы прошибли насквозь, как я протыкаю пальцем лист лопуха.

Согнав перепуганных дулебов, в основном плачущих баб и детишек, велели копать могилу, уложили погибших воинов вместе с их оружием, забили коней, сверху натаскали сухих бревен, зажгли, а в огонь побросали дулебских женщин – по три на каждого обрина, чтобы прислуживали на том свете, как служили на этом.

Затем Кацапаган спешно созвал уцелевших обров на воинский совет. Два ряда воинов отныне охраняли избу, а еще ряд с луками наготове расставил вокруг двора – они не должны были подпускать близко даже полевую мышь.

– Он не сгорел, – заявил Кацапаган. Лицо его было мрачно, под глазами висели темные мешки. – Еще знаем, что не напуган, иначе бы давно убрался. Он объявил нам войну. Сумасшедший, это ясно.

Десятник пристально всматривался в суровые жесткие лица, испещренные шрамами. Каждому молодому мужчине, который вступал в ряды воинов, жрецы наносят глубокие раны на щеках – это знак воинов-зверей, а у них были еще и кольца на левой руке – знак бесчестия, он же знак воинской доблести. В мирное время изгои, в военное – самые лютые бойцы, что сражаются, как звери, ярятся, как звери. Сейчас ни на одном лице не проступил страх, ни один взгляд не дрогнул. Чужой ли бог, демон ли, неведомый богатырь – они пойдут, как на лютого медведя, вепря или могучего тура, забросают стрелами, поднимут на копья!

– Я послал гонца к хану, – закончил Кацапаган. – Он назначит меня сотником, не осталось старых воинов. Мы бросим на этого пещерника-воина все силы. Гугугубун, ты умеешь водить летучие отряды. Бери десяток, бери два или три, но уничтожь его!

– Трех десятков хватит, – ответил Гугугубун.

Гульчачак отскочила от окна, ее глаза были широко распахнуты, брови выгнулись тонкими дугами.

– Ты слышал, что прокричал гонец?

Морш сидел за столом, светильник освещал смуглое лицо, горящие глаза. Он листал ветхую рукопись, сестре ответил не сразу:

– Он жив?.. Боюсь, мы повстречали необыкновенного человека.

– Они устраивают на него охоту!

– По зубам ли такая дичь?.. Обры – свирепые воины, бесстрашные, но слишком невежественные. Он умнее, может уйти. Надо сделать так, чтобы не ушел.

Она смотрела на него с недоверием:

– Надо ли нам вмешиваться?

– Он не нашей веры, сестра. Поэтому его надо уничтожить, ибо покорить такого человека невозможно. Он не обрин. Он намного умнее. Иди седлай коней, а я договорюсь с вождями этих дикарей.

Поморщившись, он решительно развязал на голове повязку. Под коричневой коркой запекшейся крови виднелся вздутый багровый шрам, а опухоль постепенно теряла кровавый цвет. Морш криво усмехнулся, показал мелкие, как у хорька, белые зубы:

– Заодно рассчитаюсь!

Олег ехал на огромном белом жеребце, второго коня вел в поводу. Он был в безрукавке из волчьей шкуры мехом наружу, распахнутой на широкой груди. Обнаженные мускулистые руки блестели на солнце. Рукоять огромного двуручного меча торчала на перевязи из-за спины, на поясе в чехлах плотно сидели два швыряльных ножа, а лук и колчан со стрелами повесил с правой стороны седла. Слева висел щит – небольшой, круглый, такими скифы, а затем готы пользовались в конных стычках. Олег щит не жаловал, пользовался редко, но сейчас взял – отвык от ударов меча.

Поднялось солнце, меч в тяжелых ножнах начал ерзать по вспотевшей спине – Олег дважды подтягивал широкую перевязь. Наконец снял меч, зацепил на крюки слева от седла, а щит повесил на спину: легче, заодно защитит от стрелы.

На шее болталось ожерелье с оберегами – он сам вырезал из дерева этих волков, рыбок, медведей, птиц, мечи, щиты и лики богов. Крохотные, не крупнее ореха, легкие, они всегда болтались на его шее. Он вспоминал о них только во время раздумий, но сейчас чаще обычного перебирал их, сидя в седле, прислушивался к голосу души.

Он сразу заметил, что среди отряда, посланного за ним, едут двое чужаков. Обры все в звериных шкурах, наброшенных на голое тело, вместо седла – тонкая попонка, а у этих двоих – одежда с капюшонами, закрывающими от пыли, седла высокие, удобные, стремяна подогнаны по росту. Один был ширококостный мужчина, капюшон закрывал его глаза, другого Олег кое-как признал: девушка, что молила пощадить брата.

Обры скакали, держа в поводу запасных коней. Олег выехал из-за деревьев на дорогу, давая увидеть себя.

Завидев всадника, обры люто завизжали, начали хлестать коней. Передние второпях пустили стрелы – те упали в дорожную пыль. Олег погнал коня в галоп. Не хлестал, не оглядывался – по стуку копыт знал, кто едет и где.

Одна из стрел все же ударила в щит на спине Олега. Он толкнул коня в бока пятками, побуждая ускорить бег. Стрела на излете, не убойная, но лучше избегать даже царапин. Обры не скифы, отравленным оружием не пользуются, но ведь говорят же, что утопающий и за гадюку схватится.

Щеки Гульчачак покраснелись, глаза не отрывались от спины скачущего далеко впереди всадника.

– Он не в панике! – вскрикнула она. – Не гонит лошадь изо всех сил!

– Коня, – сказал Морш.

– Что? – не поняла она.

– Лошадь они называют конем, реже – комоном. Я запоминаю славянские слова на случай, если старейшины решат направить сюда проповедников... Да, он словно нарочно выехал на дорогу.

– Ловушки? – спросила она, загораясь. – Заманивает?

– Какие могут быть ловушки в голой степи? Давай придержим коней, пусть впереди скачут самые глупые. Их не жалко.

Вновь показалась небольшая рощица. Всадник несся к ней. Морш напрягся, всей кожей чувствуя опасность. Одинокий всадник на полном скаку исчез за деревьями, среди обрыв вспыхнула ругань: пещерник перебьет стрелами многих, пока они, спешившись, будут искать среди деревьев и бурелома.

– Вперед! – заорал Гугугубун. – Это удача! Роща крохотная, окружим ее – муха не пролетит незамеченной!

Степь загремела под конскими копытами. Внезапно всадник на полном скаку выметнулся из-за деревьев: роща оказалась слишком мала или деревья стояли чересчур редко. Гульчачак показалось, что он должен был появиться из-за деревьев раньше, она взглянула на брата вопрошительно. Тот кивнул, не скрывая угрюмой усмешки:

– Первая ошибка варвара!.. Спешился, пытался укрыться. Не сразу понял, что роща просвечивается насквозь. Это стоило ему потери времени. Он проиграл.

Гугугубун несся впереди отряда. Он подался вперед, вытянув руку с зажатой в кулаке рукоятью кривой сабли. Его хищные, как у коршуна, глаза наливались кровью.

– Быстрее! – крикнул он. – Уже нагоняем!

По сухой земле, стеблям и пожухлым листьям, вмятым копытами скачущих коней варвара, было заметно опытному глазу, что кони устали – их всадник был слишком тяжел.

Внезапно три передних бешено несущихся коня полетели на землю. В месиво бьющихся в воздухе копыт, торчащих копий, сабель, топоров врезался другой ряд, третий, не в силах разом остановить коней.

Морш ухватил коня сестры за уздечку, удержал. В ужасе они видели, как из-под кучи окровавленного мяса выползают искалеченные, уцелевшие. Храброго Гугугубуна и еще двоих вытащили затоптанными, мертвыми. Четвертому пришлось срочно перерезать горло: он в падении наткнулся на собственную саблю – лишь рукоять торчала из груди. Ржали искалеченные кони, торчали сломанные и вылезшие наружу кости, кровь жадно всасывалась сухой землей.

– Протянул веревку! – вскрикнул Морш со злостью. – То была не ошибка. Роща оказалась нужна лишь затем, чтобы на время укрыться от наших глаз, пока натягивал веревку!

Похоронили мертвых, поставили памятный знак, дабы потом устроить на этом месте краду с кровавой жертвой. Посовещались, временным десятником выдвинули Мирошномана. Новый десятник осторожничал, велел не спускать глаз с маячившего вдали всадника. Тот уезжать не спешил, казалось, поддразнивал, насмехался.

Морш ярился, требовал гнать во весь опор – под пещерником кони устанут быстрее, чем под обрами, а ловушек не будет: степь ровная как ладонь. Мирошноман в ответ угрюмо кивнул на замыкающих небольшой отряд троих всадников, что едва держались в седлах, повязки их сочились кровью.

– Мы закопали четверых... а погоня только началась! Погибли от простой веревки. А что еще в седельных сумках у пещерника?

– Будем смотреть в оба, – бросил Морш зло.

– Я гляжу, – возразил Мирошноман. – Как примут на том свете сыновей Большой Кобылицы, что погибли не от меча, а от простой веревки? Позорная смерть для воина-зверя!

– Вы приняли истинную веру, – напомнил Морш зло. – Они попадут не в старый языческий рай, а в наш, истинный!

– На том свете мною хоть ворота подпирай, а здесь не хочу обгадиться.

Он стегнул коня, догоняя передних всадников. Морш остался с Гульчачак. Девушка вскрикнула пораженно:

– У пещерника два лука, если глаза меня не обманывают. Зачем? Я никогда не видела воинов с двумя луками.

Один из обров услышал, бросил с бешенством:

– Он не воин!

Морш ответил задумчиво:

– Я тоже не видел. Я воевал в разных странах, видел разные народы. Впрочем... погоди! Был такой древний народ. Они еще с египтянами спорили о первородстве. Скифы! Они носили по два лука. Стрелы были отравлены. Один из их героев забрел далеко на восток, даже на юг, там совершил немало подвигов. Таргитай, сын Тараса, а в Элладе его звали Гераклом. Он убил там ужасную гидру, смазал ее кровью концы стрел, как делают скифы...

– Это не он?

– Нет, – ответил Морш уверенно. – Геракл отдал второй лук сыну. Их было у него трое, все пробовали натянуть тетиву по очереди, но сумел лишь младший – ему достался лук и все земли, остальные братья откочевали... С той поры Таргитай ходил лишь с одним луком.

Гульча сказала с сожалением:

– У этого их два, так что это не Таргитай.

– Однако он знал скифов! Этого я не понимаю. Сидит на коне по-скифски, стреляет по-скифски... Даю голову на отсечение, что он на полном скаку может бить в цель, как были обучены скифы. Не понимаю... Варвары записей не ведут, как мой богом избранный народ, – откуда же скифские приемы боя? А меч – сарматский...

Ночь упала на землю, как гигантский черный колпак. Обры и Посланцы Бога поняли, что пора останавливаться для ночевки – почти перестали видеть друг друга. Всадник, которого преследовали, потерялся впереди во тьме.

Спали тревожно, нетерпеливо, жадно высматривая полоску рассвета. Луна еще светила, когда наспех поджарили на костре мясо, наскоро прожевали. Мирошноман выслал двух разведчиков, велел отыскать следы. Вернулись оба невиданно скоро. У обоих на лицах было странное выражение.

Мирошноман рявкнул зло:

– Почему вернулись? Не знаете, как искать?

Один разведчик ответил хриплым, как у испугнутой птицы, голосом:

– Нашли. Он их вовсе не прятал! Зола его костра всего в двух полетах стрелы.

Мирошноман побледнел, по спине между лопаток прополз холодок, будто пробежала холодная быстрая ящерица. Внезапно глаза расширились, он подпрыгнул:

– Он мог видеть наш костер?

– Он видел, – ответил разведчик сдавленным голосом. – Мы отыскиали его следы. Он ходил вокруг нашей стоянки. Он пересмотрел все наши седельные сумки, срезал стремяна, переломал стрелы в колчанах, перерезал тетивы... Лучшие унес. В одном месте лежал очень долго, это совсем рядом. Слушал разговоры.

Мирошноман застыл, мучительно вспоминая, что такое говорил ночью у костра. В голове шумело, грохотали копыта небесного коня, донеслось ржание Большой Кобылицы. Из красного тумана проступило хищное лицо Морша и лицо Гульчи – посланцев новой веры в единого бога.

Морш сказал настойчиво:

– Надо выставить стражу на ночь. Он мог нас бить из темноты стрелами на выбор.

Снова Мирошноман ощутил холодок, словно стрела уже торчала в сердце и жизнь медленно вытекала вместе с кровью.

– Великий Змей, – выдавил он деревянными губами. – Это не человек...

– Надо ехать, – напомнил Морш настойчиво.

Выехали, тревожно оглядываясь, держась настолько тесно, что касались друг друга. Спины напрягались при каждом шорохе, а их было немало – сухой стебель полыни треснет, копыто стукнет громче обычного, птица внезапно вспорхнет из травы прямо под мордами коней. Обры хватались за оружие, потом долго ругались пресекающимися голосами. За спинами торчали луки с обрезанными тетивами, а колчаны везли в седельных мешках – стрел не осталось.

Олег поднял коней, когда обры приблизились на полверсты. Несколько горячих голов пустились было к нему во весь опор, надеясь настичь раньше, чем он разгонит коней в галоп. Олег, напротив, нахлестывать коней не стал, подпустил ближе, внезапно сорвал из-за плеча лук...

Гульчачак со смешанным чувством наблюдала, как холодно и страшно блеснуло солнце на железных наконечниках. Трех всадников словно ветром сдуло с седел. Стрелы били, как молнии, она вспомнила и поверила в рассказ потрясенного Мирошномана о побоище во время пирушки.

Четвертого всадника Олег подпустил вплотную. Мирошноман видел, что пещерник успел бы и его сшибить стрелой, видеть, хотел посмотреть обров в схватке или показать себя.

Когда они прискакали всем отрядом, Мирошноман бросил лишь косой взгляд на поверженного – это зрелище будет преследовать его всю жизнь, какой бы длинной она ни была. Воин был разрублен пополам: от макушки до седла. Обе половинки лежали в крови, а на седле осталась резаная полоса, пропитанная кровью. Конь сильно припадал на переднюю правую, дрожал, все еще переживая страшный удар, едва не сломавший ему хребет.

– Как мы можем взять такого человека? – спросила Гульчачак мрачного Мирошномана. – Зачем вообще за ним едем?

– Я уже разослал охотников, – буркнул Мирошноман. – Если забьют оленей или хотя бы коз, сможем из жил натянуть тетивы. Он стреляет лучше, но успеет уронить не больше пяти-шести воинов, прежде чем окажется в досягаемости наших стрел... А у нас все еще хватает свирепых воинов! Правда, тетивы будут не у всех, но другие смогут на скаку забросать копьями, а третьи иссекут топорами и саблями. Будь он из камня – раздробят на осколки!

Олег ехал быстро, но в галоп пускался редко – когда дорога шла вниз, просилась для быстрой скачки. Морш зло сжимал кулаки – на легких неподкованных конях можно было бы догнать пещерника, заморив долгой скачкой. Он тяжелее обров, обе лошади скоро устанут под его весом!

Гульча все всматривалась в скачущего впереди Олега. Ехал неподвижный как камень, – обрин лихо швырял бы копье в воздух и ловил на лету, срывал бы цветы, в бешеной скачке свешиваясь с седла, рубил бы саблями молодые деревья, кичась силой и ловкостью. Варвар ехал

неподвижный и загадочный, как смерть. Закаленные обры, неустрашимые звери-воины, мрачнели, их лица вытягивались.

Морш отстал от Мирошномана, поехал рядом с Гульчей. Их взгляды встретились, Морш покачал головой:

– Он не воин. Это хуже всего.

– Почему?

– Воин прост, как лошадь, на которой сидит. Хороший воин лют, как волк, но так же прост. Человек без труда одолевает льва – царя зверей, ибо лев, несмотря на силу и царственный рык, – прост. Человек, за которым гонимся, был лошадыю, был волком, был львом... Кто он сейчас?

Они долго ехали молча. Гульча спросила наконец тихонько:

– Он больше чем воин?

– Намного. Воин – это... первая ступенька для полководца, стратега, политика. Отважными воинами в ранней молодости были известные философы, маги. Одни остаются на всю жизнь воинами, другие... другие вырастают из тесных одежд.

– А кто он?

– Воины – это гусеницы, из которых лишь единицы превращаются в крылатых бабочек.

Они снова ехали долго молча. Гульча спросила тихо:

– Мы... гусеницы?

Он засмеялся, мелкие зубы хищно блеснули на солнце.

– Обры – да. А мы с тобой совсем-совсем не гусеницы!

К полудню удалось отбить от стада полдюжины диких коз – погнали их на засаду, а там поразили дротиками. На обед было свежее мясо, а умельцы уже осторожно вытягивали жилы – тетивы для луков. Мирошноман сам мастерила стрелы, насаживал железные наконечники – их проклятый пещерник не забрал лишь потому, что Мирошноман клал сумку с наконечниками под голову.

К вечеру несколько отважных пытались догнать варвара. Надеялись, подпустит ближе и они успеют выпустить стрелы. Олег, однако, взял лук, натянул стрелу... Обры мчались, взяв стрелы в зубы, конями управляли ногами, готовясь осыпая врага градом стрел.

Скачущий впереди всех конь вдруг подпрыгнул, коротко ржанул и грохнулся оземь, перекатившись через голову, раздавил всадника. Еще один конь жалобно заржал и замедлил бег – в шее торчала стрела. Третья стрела вышибла из седла могучего сложения обрина. Всадники закричали, поспешно выпустили стрелы. Варвар блеснул в усмешке зубами: стрелы обров упали, не долетев сажень десять, а его стрела снова поразила скачущего обрина. Тот не успел дернуться в сторону, железный наконечник глубоко впился в правое плечо. Обрин страшно закричал в бессильной ярости, сабля выпала из онемевших пальцев, испуганный конь понес его в степь.

Горячих голов осталось пятеро: двое остановились, трое ринулись на варвара, тот был уже совсем близко. Их сабли со свистом рассекали воздух, лица были перекошены яростью. Он убил их стрелами хладнокровно, в упор, не меняя хода коня, не притронувшись к длинному мечу.

Руки Морша побелели – с такой силой сжимал поводья.

– Надо что-то придумать...

Олег словно услышал его слова – внезапно свернул круто на запад. Мирошноман велел остаться двум воинам для захоронения, раненых пришлось зарезать, и поредевший отряд пустился следом.

Пещерник проехал верст двадцать, затем круто свернул на север.

Морш люто хлопнул ладонью по седлу:

– Опять опередил! Я хотел, чтобы легкие конники обошли его с боков и устроили засаду. Он показывает, что будет менять дорогу, а мы не знаем, где он проедет. Мирошноман, я чувствую гибель. Нам лучше повернуть.

Мирошноман напомнил:

– Верховный хан ждет его голову на блюде!

– Я сумею оправдать наши действия.

Мирошноман молчал, его лицо было темным, глаза спрятались под надбровными дугами. Наконец он прохрипел тяжелым голосом:

– А чего страшиться? Если родился, то умрешь... Но трус умудряется умирать тысячу раз. Он даже не живет. Мы пойдем навстречу судьбе – нас оправдает и твой новый бог, и наши старые боги!

Он пришпорил коня, умчался в голову отряда. Морш бросил сестре негромко:

– Он бессмысленно храбр, это свойство неумных людей. Хищных, но неумных. Их бог создал, дабы служили нам. Одни – как рабочий скот, другие – вместо псов, третьи – дичь...

Снова упала ночь, на этот раз – без сна. Половина отряда засела в дозоре, тревогу поднимали при каждом мышинном шорохе. Утром варвар словно ждал, когда они изловят коней, оседлают, лишь потом загасил костер и пустился в путь. Обры погнали лошадей во всю мочь – наконец-то решили по совету Морша взять долгой гонкой. На ходу пересаживались на запасных лошадей, воспаленные глаза угрюмо всматривались в облачко пыли впереди, за которым неясно темнела фигура врага.

Слева появилась темная полоска леса. Мирошноман встревожился, закричал сорванным голосом:

– Отсекайте от леса!.. Если сумеет достичь деревьев, останемся с пустыми руками!

Несколько воинов вырвались вперед и стали заходить наискось, нещадно настегивая коней. Олег пустил коней в галоп, умело перепрыгивая с одного коня на другого, но, странное дело, чем больше Мирошноман всматривался в бешеную скачку, тем больше мрачнел.

Пещерник не пытался прорваться к лесу. Передовой отряд обров был далеко, однако проклятый варвар гнал коней прямо по дороге, держа путь на северо-запад.

Глава 4

Конь под Олегом шатался, пена ключьями повисла на удилах. Второго коня пришлось оставить – едва успел соскочить, тот грохнулся оземь замертво. Обры, как стая волков, постепенно догоняли, приноравливались, и все чаще страх заползал в сердце Олега. На обнаженных клинках блестели оранжевые искры, словно каждый обрин вез пылающий факел.

Впереди медленно вырастал высокий холм, с середины и до вершины он выглядел голым, без деревьев и кустов. Олег изо всех сил понукал коня, направив прямо к холму – тот походил на Лысую гору.

У подножия пришлось спешиться. Он потащил усталого коня за узду, заставил перебраться через валежину. Измученный конь упирался, храпел, задирал голову. Со стороны дороги послышался грохот копыт, в двух шагах упало короткое копьё. Другой дротик пролетел совсем рядом, вонзился в дерево.

Олег выпустил узду, головой вперед нырнул в кусты, а оттуда помчался наверх по крутому склону. Позади раздался радостный рев, высоко в ветках сухо чиркнула стрела. Олег карабкался наверх, хватаясь за свисающие толстые корни. Меч за плечами цеплялся за ветки, сзади нарастали рев, крики, ругань.

Половина обров слезла с коней, другие поскакали во весь опор, стараясь окружить холм со всех сторон.

Олег услышал голоса, понял, что за ним отрядили пешую погоню. Он прибавил бег, но старался не сбивать дыхания: вот-вот придется драться.

Кусты впереди разом кончились, дальше вверх потянулась вытоптанная голая земля. Издали вершинка должна ярко блестеть, как лысина старого деда, особенно под дождем или лунным светом. На таких горках издавна устраивали гульбища, купалы, но, самое главное для Олега, – обычно строили капища местных богов.

Задыхаясь от быстрого бега, он выбежал на плоскую вершинку холма – утоптанную, очищенную от травы и кустов. В самой середине поднимался на исполинских столбах широкий навес. Стены были из ошкуренных бревен. Олег даже успел увидеть, что за стеной высится политый засохшей кровью очень толстый столб. В быстро наступающих сумерках Олег разглядел грубые черты свирепого лица – тесали секирой или топором. Под столбом в широкой каменной чаше лежали обглоданные кости. От капища тяжело несло, жужжал рой мух, между бревнами сновали разжиревшие крысы.

Из храма вышли двое стариков в белых одеждах. Один держал выдолбленную тыкву, другой опирался на посох. Олег на бегу закричал:

– Уходите!.. Сюда идут обры!

Он стремительно нырнул в открытую дверь. Старец обернулся к нему лицом, а к лесу спиной, сказал с негодованием:

– Никто не смеет в святое мес...

Затрещали кусты, на утоптанную площадку выскочил первый обрин. Справа и слева появились другие, один с разбегу метнул короткое копьё. Железное острие ударило в сухую спину, проломило тонкие, как у птицы, кости. Старец все еще стоял, но кровь потекла двумя струйками изо рта. Второй выронил тыкву, повернулся было к храму – второй дротик догнал и вонзился в худую шею. Шатаясь, волхв двинулся прочь, упал, сделав еще два неверных шага.

Обры рассыпались по голой земле, дождались Мирошномана. Тот выбежал из кустов мокрый от пота, заорал на ходу:

– Окружай!.. Окружай капище язычников!.. Землю изроем, но не уйдет!

Воины, закрываясь щитами, топтались в трех десятках шагов перед деревянными стенами. Мирошноман видел страх в глазах воинов-зверей. Сойтись лицом к лицу они рвались и

сейчас, но если шагнуть ближе – беспощадные стрелы пещерника выбьют их ряды, как молнии безумного Хараджи.

Медленно, держась от храма на почтительном отдалении, они замкнули кольцо. Их лица были суровыми и тревожными. В храме было тихо, но каждый воин-зверь чувствовал на себе беспощадные глаза таинственного противника, и каждый, с какой бы стороны ни стоял, готов был поклясться, что видит кончик смертоносной стрелы, которую пещерник просовывает между бревнами, выбирая цель...

– Сколько у него стрел? – спросил Мирошноман зло. – А сколько нас? Навалимся разом. Мы порубим его сразу! В плен не брать!

Воины начали осторожными шажками приближаться к храму. Щиты держали высоко, оставив узкую щелочку для глаз – выше закрывал шлем. Мирошноман выдернул меч, яростно оскалил зубы, собираясь отдать приказ о немедленной атаке, но Морш вдруг схватил его за руку:

– Одним камнем трех собак! Ты сбережешь воинов, убьешь врага и уничтожишь храм чужого бога. Чтобы утвердиться в вере, надо безжалостно низвергнуть старых богов! Народ не может меняться нам в угоду, если у него будет память. Особенно важно уничтожать чужих богов.

– Сжечь? – спросил Мирошноман с сомнением.

– Не откладывая!

Трое воинов уронили щиты, быстро разожгли костер. Другие спешно рвали мешки, полотняные сумки, бегали к белеющим вдали березкам за берестой. Тряпки и бересту обернули вокруг дротики и стрел, подожгли и разбежались вокруг деревянного храма.

– Метать огонь! – крикнул Мирошноман.

Воины с разбегу метнули копья. Оставляя огненные дуги в потемневшем небе, словно пролетели малые смоки, копья с гулким стуком вонзились в толстые плотные столбы. Огонь жадно охватил древки, ронял огненные капли на землю, в твердом гладком дереве мореного дуба остались торчать железные наконечники – кондовый дуб устоял, не загорелся.

Мирошноман в ярости сжал кулаки. Еще дважды по его приказу метали копья, пока не истратили последние. Он хотел было гнать на приступ – мечи остались! – когда ноздри вдруг уловили запах дыма. Последнее копьё, брошенное осмелевшим воином вблизи, упало на крышу. Там сушились лечебные травы, пучки мяты, липового цвета – огонь быстро пошел по всей крыше, радостно взревел, почуяв силу, вгрызся в дерево, начал рушить стропила.

– Смотреть в оба! – заорал Мирошноман. Он бегал с обнаженной саблей вдоль цепи воинов. – Там огонь, здесь луна помогает! И муравей чтобы не выскользнул!

Языческий храм горел немислимо долго, всю ночь. Столетние дубы, которые когда-то неохотно поддались острым топорам, горели страшно, к небу вздымался широкий огненный столб, прожигал низкие облака. Казалось, само небо горело и роняло раскаленные капли.

Воины едва не падали от усталости: всю ночь до судорог сжимали рукояти сабель и топоров, до рези и слез в глазах всматривались в каждый блик, пляшущие языки пламени, в любой тени со страхом узнавали бегущего на них разъяренного пещерника с поднятым мечом.

Морш тревожно посматривал на озаренные пламенем изнуренные лица. Пожар на этой языческой Лысой горе на беду виден издали – огненный столб до неба, облака словно набухли от жаркой крови. Чересчур далеко видно, а ведь и самые покорные племена приходят в ярость, когда рушат их святыни!

– Он сгорел, – выкрикнул один из молодых воинов. – Даже боги не выживут в таком огне!

– Да, конечно, – ответил Мирошноман глухо.

Взглянул в счастливые глаза и отвернулся. Он уже слышал эти слова на пепелище терема. После чего сотник, три десятника и его лучшие воины были убиты, как овцы рассвирепевшим волком.

В сторонке Морш, посланец далекого племени с юга, заботливо укутывал плащом сестру. Она зябко ежилась от ночного холода, резко дергала плечами, будто сбрасывая пауков. Морш крикнул Мирошноману:

– Он мог уцелеть?

– В огне? – возразил Мирошноман. – Подземелий в капищах не строят, знаю. Разве что сразу, не останавливаясь, проскочил этот сарай насквозь? Выбежал с другой стороны и затаился в кустах, прежде чем мы окружили храм?

– Другого не осталось. Уйти не мог, у подножия стоит цепь твоих воинов. Пойдем такой же цепью навстречу и варвара защемим, как между двух ладоней!

Мирошноман кивнул: чужак снова говорит здраво. Странно, что далекий от воинского дела человек разбирается в тактике войн, засад, внезапных нападений.

Он повернулся, чтобы отдать новый приказ, но в это время подбежал запыхавшийся воин. Глаза Мирошномана люто сузились: воин был из цепи, оставленной у подножия.

– Почему здесь?

– Нападение! – выдохнул воин, едва держась на ногах. По шее стекала, пузырясь, широкая красная струйка. Левое ухо отсутствовало, из среза толчками выплескивалась кровь. – Бьемся, но их много... Вели дать помощь!

Мирошноман бросил взгляд на догорающий храм. Варвар пожертвовал жизнью, теперь захочет, глядя на своего врага: явились местные дикари мстить за свой храм.

– В круг! – закричал Мирошноман страшным голосом. – К подножию уже не прорваться!

Со всех сторон к догорающему храму бежали воины-звери. В глазах блестел красный отсвет пожара, иные бешено вращали глазами, кто-то взвыл, вцепился зубами в край щита.

– В круг! – заорал Мирошноман еще громче.

Воины-звери неохотно сбились в рыхлую толпу, ошетились оружием. Они презирали драться в строю, как пытался научить их Морш, выдавший другие страны, – бог богов Хвыцкара принимает к себе лишь неистовых, одержимых, настоящих воинов-зверей!

Залитые заревом пожара и мертвым лунным светом зеленые кусты словно исчезли в единый миг, накрытые людской волной. На утопанное ровное поле выскочили воины-звери, половина уже в крови, за ними гнались разъяренные люди. Мирошноман услышал многоголосый вздох облегчения: его воины сразу увидели, что враг захватил то оружие, что первым попало под руку, доспехов никто не надел...

– Вперед не вырваться! – рявкнул Мирошноман. – Держать круг!

На него с разбегу набежал крупный мужик с распахнутым в яростном крике ртом. Мирошноман легко уклонился, его сабля зловеще свистнула, рассекая воздух, и мужик захлебнулся в вопле: правая рука до локтя исчезла, а из жуткого обрубка со свистом брызнула кровь, белая кость потемнела, наполняясь кровью. Мирошноман успел подставить щит под падающую дубину второго славянина, мгновенно ткнул острием в живот.

Железо звенело уже всюду, хрипло и страшно кричали раненые. Мирошноман отступал вместе с отрядом сперва по твердой земле, потом споткнулся о первого убитого обрина, дальше мертвые и раненые лежали вплотную один к другому.

Отражая удары, он рискнул бросить взгляд по сторонам, похолодел: обров осталась горстка. Они падали, как срубленные деревья, – славяне были вооружены хуже, наспех, но превосходили в росте и силе. Их удары были страшными, и обрин, попавший под такой удар, обычно падал, как бык под ударом молота, и уже не поднимался.

На Мирошномана налетел молодой гигант, он наносил частые яростные удары, его тяжелый меч из сырого железа иссек в куски щит врага, сбил шлем, и Мирошноман уже видел скорую гибель в синих как небо, беспощадных глазах. На счастье, рядом зазвенела чья-то сабля, сзади послышались крики, на них навалилась целая толпа, разъединила, он упал, выполз из-

под груды тел, успел увернуться от брошенного дротика. Разъяренные чужие лица мелькали со всех сторон – он оказался отрезан от тающей горстки воинов-зверей.

Через толпу сражающихся протолкался прежний молодой гигант, случайность боя отодвинула его победу, но не отсрочила. Он поднял меч – Мирошноман с трудом отразил тяжелый удар. Вдруг рядом снова засвистела сабля, гигант чуть отступил. Мирошноман взглянул на спасителя и с изумлением узнал проповедника. Морш рубился хладнокровно, умело, успевал оглядываться на кучку обров, где оставалось всего трое, – в самой середке виднелись черные как ночь косы его сестры.

– Уступи увальня мне! – крикнул он Мирошноману.

– Он твой, – вскрикнул тот с облегчением.

Проповедник ловко прыгнул между ними, отразил бешеный удар, уклонился, начал парировать страшные удары огромного славянина, холодно отыскивая брешь в защите.

Славянин ревел как бык, огромным мечом рассекал воздух как прутиком. Морш все чаще увертывался, а сам ловил удобный момент. Вдруг раздосадованный славянин схватил меч двумя руками, ударил внезапно и со страшной силой. Морш словно ждал, нырнул под руку гиганта, меч просвистел рядом с его ухом, вошел по рукоять в землю. Славянин медленно опустился на колени, его огромные ладони судорожно зажимали широкую рану на животе. Горящие глаза со злобой смотрели в смуглое чужое лицо, изо рта вырвался хрип:

– Я буду ждать тебя у врат! Я тебя запомнил...

Морша передернуло.

– К счастью, нам в разные места.

Славянин рухнул вниз лицом. Мирошноман, отступая под градом ударов, крикнул озадаченно:

– Хороший удар! Такой воин, а попер в проповедники?

Морш оскалил насмешливо зубы: старый воин по природной тупости думает, что его работа – лучшая в мире! Он повернулся к Мирошноману спиной, они молча отражали натиск. Воздух был заполнен стонами, горячим запахом крови. Далеко на краю поляны послышался отчаянный крик Гульчи, торжественно проревел боевой рог.

Внезапно появился озаренный багровыми бликами от догорающего храма огромный, обнаженный до пояса человек. Литые мускулы в лунном свете влажно блестели, в руке хищно покачивался длинный харалужный меч, глаза горели, как две звезды. До пояса он был в крови, словно вброд переходил кровавую реку.

– Вы пришли похабить наши святыни! – закричал он громко. – Так пусть же ваши боги защитят вас!

Он неуловимым движением подхватил с земли дротик, швырнул, крикнул вслед:

– Держи!

Морш подставил щит, успев заметить синеватую искорку на конце дротика: закаленный, должен щелкнуть по железным пластинам, нашитым на буйволиную кожу. Морш даже видел место на земле, куда упадет отскочивший дротик...

Страшный удар, от которого мгновенно онемела рука. В груди полыхнуло огнем. Вспыхнули звезды, и он с ужасом понял, что копье, пробив щит словно кленовый лист, глубоко вонзилось ему в грудь, раздробив кости.

Олег перешагнул через поверженного, сказал с тихой яростью, не спуская глаз с Мирошномана:

– Ну, обрин... Ты считаешь себя умелым бойцом?

Мирошноман взревел, нагнетая боевую ярость, вцепился зубами в край щита, краем глаза наблюдая за пещерником. Тот насмешливо улыбнулся, и Мирошноман, устыдившись, бросился вперед, размахивая саблей. В груди было холодно, словно проглотил глыбу льда, он

знал – от врага не уйти. Он рубил, орал, плевался, затем в глазах блеснул ослепительный свет, и Мирошноман не успел понять, что меч разрубил ему голову вместе со шлемом.

Стучали топоры, журавлевцы спешно возводили новый храм. Ревели волю, затаскивая на холм тяжелые бревна. Утоптанная площадка была залита кровью, ее посыпали свежесрубленными молодыми веточками. Своих павших несли на краду, чужих мертвяков оттаскивали на корм зверю.

Солнце висело высоко над головой. Племенной вождь Громодар обходил Лысую гору, придирчиво пересчитывал собранное оружие. На месте сгоревшего храма пока что набросали горку из отрубленных голов, отдельно на сухую бересту снесли срамные уды обров, дабы враги даже в подземном мире несли знаки бесчестия. Их сожгут вечером, когда придут бабы, а головы подождут чуть дольше – до часа, когда вокруг храма поставят высокий частокол.

Посреди утоптанной площадки жарко полыхали костры, на вертелах медленно поворачивали, подставляя жару попеременно то спину, то бока, оленье и кабаньи туши. В двух огромных котлах варилась уха, а на краю поляны, в тени деревьев, волхвы врачевали раненых журавлевцев. Снизу у подножия холма тоскливо выли бабы, никого не пускали – рано.

Старейшины расселись на обгоревших бревнах, степенно обсуждали – как заново строить храм. Олег сидел рядом с ними, свой огромный меч воткнул в землю, на крестообразную рукоять повесил ожерелье из оберегов.

– Вам начхать на дулебов, – говорил он медленно, словно тащил на гору огромный камень. – Вам нет дела до прочих племен славянского корня... В самом деле, чем они лучше обров, гуннов или готов? Каждое племя за себя, один Род за всех! Но мне боги поведали, что обры, которые сожгли храм, – не просто грабители. Не за данью, не за добычей явились – мы все ходим за данью, добычей, славой, честью! Обры пришли уничтожить нашу веру начисто, извести весь славянский народ под корень...

Его слушали с недоверием. Отмахнулись бы вовсе, но странный пещерник показал себя великим воином: для боя выбирал только сильных противников, слабых уступал другим.

– Откуда они? – спросил Громодар.

– Это не важно, – отмахнулся Олег. – Главное – вера. Киммеры явились – наших богов не тронули. Скифы – дань взяли, но богов не задели. Гунны – не трогали. Не трогали савиры, сарматы, аланы, роксы, агафирсы, гелоны... Всем нужна была добыча, а не наши святыни. А что сотворили обры?

Вождь тяжело поднялся, в задумчивости почесал волосатую грудь крепкими ногтями. Странный пещерник-воин спас ему жизнь – двумя ударами сразил двух озверелых обров. Сражался, как сам Перун, но Перун в бою неистов, а этот обликом печален. Чудно.

– Нам надо подумать, – заявил он угрюмо.

Олег выдернул из земли свой меч, пошел через площадку, на ходу устраивая меч за спиной в ножнах. Вождь уже орал на работников и даже на старейшин, указывая на заостренные колья. Старики между тем вяло препирались, не желая, чтобы племя шло на каких-то чужаков. Мало ли их было. Уйдут, как и пришли. А что храм сожгли, так всех за это положили, ни один не утек.

Олег вышел на утоптанное поле, где на самом краю стояли в ряд широкие щиты из мягкой липы. На щитах были намалеваны страшные оскаленные рожи, а на серединном – кривоногий человек. В щитах торчали оперенные стрелы.

Глотая горькие слезы, перед щитами в сотне шагов стояли смиренным рядочком белоголовые подростки. В руках дрожали луки, у одного парнишки из-под разбитой рукавички на левой руке текла тонкая струйка крови. Мальчишка с усилием натягивал тугую жильную тетиву, в чистых невинных глазах блестели озера слез.

Земля вокруг щитов твердая как камень. Траву вытаптывают еще в первое лето, когда ищут стрелы, потом и булыжники вбивают в землю, какие не успели выкатить за поле. А само поле чистое, как ток, где молотят зерно.

На другом конце поля белел одинокий щит с намалеванным человеком в шеломе и доспехах. Там упражнялись подростки постарше, били стрелами с трехсот шагов. Здесь их обучал настоящий русин – русич, рус, росс, руг, как называют в разных племенах этих наиболее закаленных и умелых воинов, что везде составляют старшую отборную дружину, отборную среди отборных. Здешний русин был стар, с белыми как снег волосами, с негнущейся ногой. Он был широк в плечах, лицо сильное, злое, в глубоких шрамах. Подростки, как испуганные птахи, разлетались от его крика: гонял искать стрелы, если ушли мимо. С трехсот шагов надо было поразить рисованного врага, чтобы пять стрел еще шли в воздухе, а шестая была точно в голову.

Олег с сочувствием отвел глаза. Много будет взлохмачено кожаных рукавиц на левой руке – тетива бьет больно, рассекает кожу, – много прольется соленых слез, пока научатся бить птаху на лету, бегущего зайца с полусотни шагов, козу – с сотни, а в могучего тура надо успеть всадить пять-шесть стрел, пока кидается на тебя с опущенными рогами.

Пройдя дальше, Олег услышал из леса топот, выкрики. На широкой поляне между двумя стенами темного бора упражнялся молодняк: молодые мужи, завтрашние воины. С ног до головы увешанные оружием: в панцире из толстой турьей шкуры, бородавчатом от нашитых конских копыт, с боевыми топорами или палицами на перевязи, с круглым щитом на локте левой руки, с острым копьём в правой, а также – луком и колчанами за спиной, швырляльными ножами в чехле на поясе, еще одним – за голенищем, они грузно бежали к стене деревьев, тяжело бухая подкованными сапогами.

Здесь тоже руководил русич – немолодой, грузный, похожий на вставшего на дыбы медведя, но быстрый, резкий в движениях. Он гаркнул что-то лютое – передний ряд парней разом метнул копья, присел, закрывшись щитами, второй ряд бросил копья через их головы. Русич закричал снова – и парни, обнажив мечи, бросились вперед, старательно держа щиты так, чтобы смыкались краями, а на деревья надвигалась единая стена щитов.

Снова рывкнул старый русин – парни остановились, побежали в обратную сторону, изо всех сил держа ряд. На Олега пахнуло крепким потом, хотя он стоял в полусотне шагов, мелькнули залитые потом багровые лица с вытаращенными глазами. Рубахи потемнели, по спинам тяжело бухали мешки – пудика по три в каждом, а потом русин, Олег помнил по себе, доведет этот груз до пяти пудов! И еще заставит держать коленями – зажимая крепко – камень в четыре-пять пудов весом. Так укрепляют мышцы, чтобы конем управлять не только уздой, но и одними ногами, освободив руки для смертельного боя.

Уже обученные пойдут в бой, лучшие станут гриднями, лучших из гридней возьмут в княжескую дружину, нарекут дружинниками. Это младшая дружина, потому что есть еще и старшая, называемая русинами – отборными воинами, присягнувшими положить животы в защиту отечества. В каждом племени есть русины – иногда много, иногда мало, в какое-то время совсем исчезают, если жизнь идет мирно, но едва налетает беда, тут же из разных племен в княжеский град стягиваются русины, образуется русское войско, или просто – русичи.

Олег не стал смотреть на муки молодых парней – бедолаги еще не понимают, зачем бегать строем, – повернул к хозяйским сараям. Там вкусно пахло, топтался народ. Там же, на грудах свежесрубленных веток, покрытых шкурами, расположили раненых. Помимо журавлевцев, Олег обнаружил возле дальнего сарая троих обрвов. Двое были связаны по рукам и ногам – их захватили, оглушив, третий лежал лицом к небу, из груди торчало древко короткого копья. Рядом сидела девушка, тонкие пальцы беспокойно шупали лоб раненого.

Заслышав шаги, оглянулась, губы ее задрожали.

– Это мой брат!.. Он уже умирает, не добивайте его!

У раненого не было мощных скул и узких глаз, привычных для обрина, а нос вовсе загибался, как у хищной птицы. Грудь его была широка, в пластинках твердых мускулов, но копьё, пробив насквозь кожаный панцирь, как лист лопуха, с той же лёгкостью пробило и грудь. Олег не видел острия, чувствовал – вышло под лопаткой. Из рта текла кровь, раненый даже не шевелил губами, смотрел на сестру неотрывно.

Олег ощупал грудь раненого, нашел нужные жилки, одновременно сдавил. Розовая струйка разом истощилась. Олег вытер пучком травы кровь, посмотрел на цвет. Темная, много сгустков. Если не умер до сих пор, выживет. Хотя удивительно, даже чудно, что все еще жив...

– Что говорит твой бог? – спросил он.

Губы раненого чуть дрогнули.

– Зовет...

– А мой велит остаться, – ответил Олег. – Посмотрим, который сильнее?

Он рывком выдернул копьё. Раненый охнул, глаза закрылись. Девушка зарыдала, кинулась брату на грудь. Олег поднял ее за волосы, отшвырнул. Трава чуть пожелтела в его сумке, целебную силу еще не растеряла, и Олег приложил к открытой ране, ножом разжал зубы раненому, влил из баклажки темный отвар. Раненый закашлялся, изо рта снова потекла кровь. Олег прижал траву полосками полотна, отступил, полюбовался. Сердце стучало радостно – любил лечить.

Девушка смотрела на него почти с ужасом, по грязным щекам бежали частые слезы.

Морш очнулся к вечеру. Непонимающе смотрел на бледное заплаканное лицо сестры, шепнул:

– Разве рана... не смертельная?

– Нет-нет, – сказала она торопливо, – ты выздоровеешь!

– Гульча, я знаю раны... Я был лекарем...

– Это тоже лекарь, – сказала она быстро. – У дикарей бывают великие лекари!

– Этот лекарь лечит... от жизни. Многих вылечил!.. Меня насквозь... сквозь щит и панцирь...

– Забудь, не думай! У тебя жар.

– Гульча, он опаснее, чем мы думали.

Она прошептала, косясь по сторонам:

– Понимаю. Воин прост как лошадь, на которой сидит. Лекарь – это знание, мудрость.

Но разве не вся мудрость у сынов нашего племени?

– Она должна быть только у нас, – ответил он, помолчав. – Иначе в мире будет вечный хаос, вечный спор, вечная резня. Если мир один, то и разум должен быть один. Наш, конечно. И тогда во всем мире будут мир и покой.

– Тебе очень больно?

– Варвар подобрал травы умело, они притупили боль. Гульча, я могу не выжить. Давай на этот случай придумаем план. Ты ведь останешься одна из нашего племени среди этого моря варварских племен... среди народов...

Она наклонилась, его губы едва шевелились. Он шептал, останавливался, впадая в забытие. Очнувшись, повторял, заставлял повторять ее, заучивать она должна не только для того, чтобы выжить, ведь маленький и юный пастушок однажды победил старого свирепого великана Голиафа, пришедшего с севера, из этих мест.

Олег появился, когда солнце опускалось за деревья. Осмотрел раненого, велел класть на лоб влажную тряпку, напоил горьким отваром, сменил повязку с травой на ране – старая уже отдала целебную силу. Когда поднялся, довольный, Гульча ухватила его за рукав:

– Я сделаю все, чтобы мой брат жил...

Глаза ее были опущены в землю, щеки залило горячей краской. Олег кивнул, голос был ровный, словно сани скользили по замерзшей реке:

– Хорошая девка. Молодец.

Он ушел, не обернувшись, а Морш прошептал:

– Он чувствует, что я могу в какой-то мере сдерживать боль... Ты не отходи от меня далеко.

Всю ночь на вершине холма стучали топоры. При свете костров сотни древоделов торопливо ошкуривали бревна, рыли ямы под столбы. Неподалеку вождь с волхвами прижигали каленым железом пленных, вызнавали дороги, повадки обров. Заслышав жуткие крики, сходились мужики, слушали с удовольствием, давали советы. Громодар гнал советчиков.

Ограду поставили под утро, наконец-то на новенькие свежие колья насадили головы обров – но множество кольев оставались свободными.

Обоих пленных вождь велел посадить на колья, пусть подышают без спешки, а детишки чтобы бросали камнями, упражняясь в ненависти к чужакам. Вождь ходил забрызганный кровью, как мясник, улыбался во весь рот: обры под пытками наперебой кричали, что в дальних походах набрали золота, камешков, драгоценный паволок, который чудные червяки делают.

Раненого Морша поместили под навес. Журавлевцы с удовольствием бы прикончили и этого единственного оставшегося в живых пленного, пусть не на кол посадили, но хотя бы зарезали, как козу. Однако странный пещерник трогать не позволял. Громодар согласился скрепя сердце. Как вождь, он понимал, что волхвы пробуют новое зелье на псах, но ведь свой пес дороже чужого человека, а тут повезло – ворог!

Через два дня вернулись гонцы. Громодар сообщил Олегу:

– Все племена отказались! Лишь борщаки ответили, что дадут десять тысяч всадников и двадцать тысяч пеших ратников, если уступим треть добычи.

– И ты задумался?

– Обры – наша добыча! – возразил Громодар. – Целиком. Мы – журавлевцы. Сами уничтожим, а сокровища заберем. При чем тут борщаки?

Олег покачал головой:

– Делишь шкуру неубитого медведя. Борщаки – лютые воины. Лучше с ними идти супротив обров, чем схлестнуться на узкой дорожке.

– Борщаки сильны в чистом поле, – проворчал Громодар. Он почесал в затылке, поскреб между лопатками, выворачивая руку, – а мы живем на опушке. Чуть что, за деревьями укроемся. Не только конь – черт ногу сломит... Впрочем, насчет борщаков подумать надо. У ихнего вождя есть Весняна, дочка. Сказывают, краше нет на тыщи верст окрест...

Жесткое лицо, испещренное шрамами, стало мечтательным. Старый леший, подумал Олег. С тремя женами едва справляешься, а тянешься к четвертой?

На следующий день дозорные притащили на аркане полузадушенного обрина. Оказалось, встретили пятерых, когда охотились. Дабы узнать их настоящую силу, старшой дозора придержал конников, пустил вперед пятерых журавлевцев. Один журавлелец погиб, двое были ранены, зато четверых обров посекали в капусту, пятого свалили, стукнув палицей по шелому.

После того как истерзанного обрина бросили живьем голодным псам, Громодар сказал с великим презрением:

– Дулебы... Червяки! Племя огромное, старое – как дались?

– Натиск, – объяснил Олег горько. – Дулебы смотрели в другую сторону, с рашкинцами враждовали. Еще на тюринцев косились, пакостей ждали. К тому же все были в поле... А ежели бы один на один, да чтоб у славянина была такая же сабля...

– Славяне? – переспросил Громодар. – Кто это?

– Вы все, – объяснил Олег устало. – Все, кто по дурости бьется друг с другом. Древляне, дулебы, дряговичи, поляне, хорваты, бодричи, тиверцы...

– Пещерник, ты знаешь много, но в один ряд с дрягвой не ставь! Они жаб едят. Я лучше обрина братом нареку, нежели дряговича или тиверца. Втяни свой поганый язык туда, откуда он у тебя вылез, – в задницу! Пореже разевай пасть.

Не говори, что думаешь, сказал себе Олег невесело, а думай, что говоришь. На Громодара нельзя сердиться: ему десять лет от роду, хотя живет в теле сорокалетнего мужика. Журавлевцы рождаются, живут, старятся и умирают, оставаясь детьми. Живут теми радостями, что и звери и птицы их Леса. А ведь человек от зверя отличается умением заглядывать вперед.

Деревянные терема и бобры строят. Мураши вовсе хоромы возводят!..

Олег набросал сена на дно телеги, сам положил туда Морша. Журавлевцы ворчали, угрожающе бряцали оружием, с удовольствием бы прирезали пленника, ибо на частокоче осталась дюжина пустых кольев. Гульчачак принесла для раненого старое одеяло из шкур. Лицо Морша было желтым, словно у покойника, веки плотно сомкнуты. Избегая враждебных взглядов, Гульчачак укрыла его шкурами с головой, как мертвого.

Олег подал ей вожжи:

– У тебя очень тонкие руки, но придется управлять самой.

– А конь не пугливый? – спросила она опасливо.

– Ничего, он не будет оглядываться.

Лошадь медленно тронулась, старая полуслепая кляча, что уже дважды прожила свой век. Олег объяснил Гульче, пряча усмешку, что вождь журавлевцев сам выбрал самую смирную лошадь, чтобы не понесла, зачуйв слабые женские руки.

Когда отъехали на версту, Морш шепнул, не открывая глаз:

– Отпустили?.. Без выкупа?

– Да, – ответила она с сумрачным недоумением. – Он меня даже не возжелал!

– Ну, этот мог взять и без торговли, – заметил он с мрачным юмором. – По праву победителя.

Она вспыхнула, тонкий голос зазвенел, как натянутая тетива лука:

– Ты тоже, как все мужчины, не понимаешь! Силой возьмешь только тело, а мог бы взять меня всю. Но почему-то не захотел.

– Оскорблена?

– Встревожена.

Он прислушался, видя только высокие борта телеги. В кронах деревьев перекликались птицы, под колесами сочно хрустела трава. Лошадь фыркала, часто останавливалась. Дважды Гульча соскакивала на землю, тащила лошадь под уздцы.

– Я встревожен тоже, – признался он. – Этних племен – как песка на морском берегу, но они, мне кажется, не сложнее обрив. Мы могли бы незримо править ими... не появляйся такие! Он знает и умеет не меньше нас. А нам завещано бояться народов, которые, если их не трогать, как медведи в зимней спячке, но когда оказываются на краю пропасти, то среди них невесть откуда появляются герои, мудрецы, пророки...

Она зябко повела плечами.

– А если они... не исчезли?

Он промолчал. Она постегивала лошадь, вдруг спросила во внезапном страхе:

– А если он знает?

Он покосился на ее встревоженное лицо, слабая улыбка раздвинула бледные губы.

– Гульча... Он не может знать нас. Сама знаешь, он не может знать.

Ветви расступились, небо заблестело синевой. Колеса простучали по твердому, трава уже не хрустела, а сухо трещала. Морш стиснул зубы, впервые застонал. Гульча заботливо сунула узкую ладошку под его затылок, Морш шепнул:

– Нет-нет, терпимо... Варвар знает странные методы лечения. Не магия, ее бы заметил. Но что нас ждет у обрив? Это жестокие и капризные дети.

Она зябко передернула плечами:

– Жужунак?.. Походный вождь Ермокрак погиб, он считался моим женихом.

– Ты была лишь невестой, – напомнил Морш осторожно, – не женой... Жужунак не имеет на тебя прав. Вдобавок он старик.

Она горько усмехнулась:

– Не имеет права?.. Разве обры знают такое слово? Их право – сабля.

Лишь через несколько дней подвода дотащилась до ворот мрачной крепости из толстых бревен. Стражи обров почему-то долго не решались взяться за тяжелые запоры. Несколько человек с высоких стен всматривались в окрестности, словно в дальних кустах засели враги – выскочат, едва завидят открытые ворота. Наконец вверху появился кто-то из знатных, он знал Морша и Гульчу в лицо, заорал на стражу у ворот.

Когда тяжелые створки с лязгом захлопнулись за их спинами, Морш прошептал:

– До этого момента не верил, что уцелеем...

Гульча с сомнением оглянулась на толстые ворота. В самом ли деле уцелели? Сердце ее тоскливо сжалось.

Глава 5

Многотысячное войско журавлевцев, колупаевцев и борщачков обрушилось на крепости и веси, занятые обрами, в полдень того же дня. Подводу неспроста держали у ворот – стража видела столбы черного дыма. Полыхали в ближайших весях терема, занятые обрами, городища, крепостцы.

Олег в бой не шел, не для зрелого духом такие забавы, зато уговорил примкнуть к журавлевцам соколян. Соколяне, несмотря на гордое родовое имя, полученное, впрочем, не за воинственный нрав, а по местности, где гнездились соколы, в сечу не рвались. Напрасно Олег взывал к славным именам предков, объяснял, что есть отечество, соколяне на него глядели непонимающе. Дулебы, обры, журавлевцы – какая разница? Но едва расписал им богатства, награбленные обрами в южных походах, заволновались даже самые ленивые.

Обров, которых застали в поле, побили в короткой злой сече. Остальные заперлись в крепостях, славянские стрелки стали метать зажженные стрелы в крыши, крытые соломой. Половина защитников бросилась гасить пожары, остальные обреченно повернулись к несметным ратям врага.

Олег удержал храбрецов, на приступ не пустил. Слушались неохотно, но слушались: передравшись, кому быть вождем объединенной рати журавлевцев, борщачков и соколян, сошлись на мудром пещернике, чужом для всех. Олега нарекли светлым князем, остальные же вожди именовались просто князьями. Их рати шли под началом своих русичей, но Олег как мог объединял их силы, бросал на помощь друг другу, хладнокровно играл на детской отваге, детской же наивной жадности к чужому богатству, гордости и соперничестве.

– Сжечь частокол! – велел он. – Дотла. Поджечь крепость, а ударить лишь потом, чтобы все по-честному, грудь на грудь. Верно?

– Верно! – заревели, обрадованные, те, кто только что обзывал его трусом и рвался лезть на стены. – Чтоб по-честному! Посмотрим, кто устоит в честном бою!

В частокол метали стрелы и даже копья, обернутые горячей паклей. Малые деревянные крепости полыхали, окруженные морем блистающих мечей. Отряды обров начали таять, как куски льда, брошенные в котлы с кипящей водой.

Олег пустил усталого коня шагом. Плечи и руки ныли – с утра до вечера махал мечом. В последний день все-таки вязался в бой – трижды менял посеченные доспехи, четырежды под ним убивали коня. Но случилось то, чего не ждал даже он, – обров стерли с лица земного за день и ночь! Как будто и не было обров – грозной силы, что наводила ужас на дулебов! Теперь у победителей впереди самое трудное и самое кровавое – драться из-за добычи. В драке погибнут или в сражении с обрами. Старая вражда укрепитя, добавятся новые обиды...

Пройдет время – от обров не останется даже имен. Разве что оброк, обирать, обрыдлый... Историки, дети Геродота, скажут: избрали неверную дорогу. А сколько смельчаков уводили свой род, чтобы дать начало новому племени? Новому народу? Таргитай, уйдя от невров, народил на новом месте троих сыновей: Арпо, Липо и Коло. Они дали жизнь трем великим народам. Коло преуспел, его род принял имя скототов – ушедших с Коло. Они поселились на излучине реки, назвали ее Ворсклой, а выстроенный город нарекли Осколом. Коло, его называли уже Колоксаем – Колоцарем, жил тысячу лет, у него было три сына: Гелон, Агафирс и Скиф. Все три дали начало трем великим племенам, затем первые два незаметно растворились среди других, а племя Скифа сотни лет потрясало мир, грабило страны Востока, дало миру мудрецов, магов, героев, умельцев, которые придумали стремена, гончарный круг, научились выковывать железные мечи, затем – булатные...

У Скифа – он прожил семьсот лет – были сыновья: Пал, Нап и Славен. От Пала и Напа остались только основанные ими города, зато Славен постарался за всех троих, дав начало такому племени, которое уже через пару сотен лет расплодилось так, что раздробилось на сотни племен – теперь дерутся между собой, как осатанелые звери, забыв про кровное родство.

Славен жил пятьсот лет с гаком. У него среди кучи ничем не приметных детей был крепкий витязь Пан, что завоевал для своих потомков Зеленую долину, названную по его имени Паннонией. Он жил пятьсот двадцать лет, у него было три сына: Чех, Лях, Рус. Они сперва жили в горах, потом спустились со своими родами, оставив престарелого Пана, потеснили внизу племена. Эти три сына Пана, внуки Славена, дали начало трем сильным племенам – все три выжили, не погибли, не растворились среди более сильных народов...

Конь под ним чуть отдохнул, ожил, на ходу хватал верхушки высоких трав. Для него это была просто земля, не вражеская, не надо оглядываться, чутко прислушиваться к звукам. А для Олега, как всякого чужака, – вокруг враги, хотя все говорят на одном и том же языке, а несколько поколений тому вовсе были одним племенем.

Он был в своей волчьей шкуре, наброшенной на плечи, на запястьях блестели широкие браслеты, с пояса свисали швыряльные ножи. Под ним поскрипывало новенькое седло, ноги упирались в надежные стремяна, в правой руке он держал поводья, в левой – дротик. Он мог метать дротик любой рукой, мог управлять конем коленями, но Громодар подобрал ему двух сильных молодых коней, способных нести тяжелого всадника в полном снаряжении, однако не обученных, приходилось учить на ходу. За спиной он держал колчан со стрелами, лук висел с правой стороны седла. Огромный двуручный меч Олег оставил на второй лошади, та несла еще походный котел, два вьюка, разную необходимую в походе мелочь.

Солнце было уже высоко, когда он выехал из леса. Впереди лежала степь, воздух был чистый, ароматный. Головки цветов покачивались под легким ветерком, густая трава шекотала коню брюхо. Олег держался настороженно: благочестивых размышлений о судьбах народов не прерывал, но всматривался в каждое шевеление, вслушивался в шорохи. Кони, отдохнув за ночь, бодро трусили по степи, но Олег часто оглядывался назад.

Иногда слышал песню жаворонка, видел быстрые тени коршунов, ястребов. Однажды мелькнуло стремительное тело сапсана, как-то даже Олег услышал курлыкающие песни журавлей. Поднял глаза на пролетающий клин, удивился: куда так рано? Весна, начало лета!

Часто встречались густые рощи. Олег с удовольствием подъезжал поближе, держа лук наготове. Хорошо бы подстрелить кабанчика, оленя, но в роще могут таиться и охотники за добычей.

Когда сзади послышался нарастающий с каждым мигом стук копыт, он выругал себя, что не зачуял раньше, не успевает укрыться с конями в чаще, надо принимать бой.

На дорогу выметнулся вороной конь. С его удил падала желтая пена, налитые кровью глаза были безумно вытарашены. В гриву уткнулась лицом женщина, черные волосы развевались по ветру, тонкие руки обхватили шею жеребца. Она была без седла, по ветру сухо лопотал подол короткой рубашки.

Олег ухватил за мелькнувший повод. Руку едва не выдернуло из плеча, но тяжелый конь под Олегом лишь качнулся, а вороной поднялся на дыбы, дико завизжав. Олег дернул за удила, разрывая ему рот, вороной опустил копыта, укрощенный. Он хрипел, бока раздувались, словно кузнечные мехи, от него несло горячим потом.

Женщина испуганно подняла голову. Ее глаза округлились.

– Это ты...

– Ожидала другого? – ответил Олег медленно. – Что случилось, Гульча?

Она в страхе оглянулась, голос ее был хриплым, губы пересохшими:

– За мной погоня!.. Где укрыться?

– Я здесь впервые, – ответил Олег. – Но поищем.

Он пустил коня в глубину роши, вороного держал в поводу. Гульча снова уткнулась лицом в гриву коня, обхватив толстую шею руками, покрытыми грязью и царапинами.

Выбрав поляну, со всех сторон окруженную толстыми стволами, Олег спрыгнул, снял девушку и усадил на траву.

– Сейчас разведу огонь, а ты сиди. Расскажешь потом.

– Хорошо, – прошептала она послушно.

На худой шее часто билась голубая жилка. Она закрыла лицо грязными ладошками, всхлипнула. Олег поспешно собрал сухие ветки, принес воды из ближнего ручья, набросал лечебных трав в котел с кипящей водой. Сбил с березы черный нарост чагу, размельчил, добавил в кипящую воду к травам. Девушка не двигалась, сомлела или заснула, выбившись из сил.

Олег потряс ее за плечо:

– Выпей.

Она испуганно распахнула глаза, непривычно крупные, с огромной радужной оболочкой, темно-коричневые, как надкрылья жука-хруща, смотрела непонимающе. Ее брови были высоко вздернуты, придавая лицу выражение сердитого удивления.

– Что?

– Выпей. И мяса поешь. Твои друзья журавлевцы снабдили.

Она зябко повела плечами, но отхлебнула послушно. Олег наблюдал, как морщилась, кривилась, но мужественно вливала в ослабевшее тело горький напиток.

– Меня хотел взять Жужунак, – объяснила она. – Это отец моего жениха! У них жену погибшего берет брат или любой родственник. Я воспротивилась – ведь еще не была женой его сына. И вообще не собиралась ею становиться, если сказать всю правду... Жужунак в ярости бросил меня в погреб. Морш, мой брат, собирался помочь, но он еще был слаб от раны. Я сумела подкупить стража, бежала. Но в это время пошли на приступ местные племена, вспыхнул пожар. Я спряталась в колодец, где долго слышала крики, звон оружия. Потом в колодец начали сбрасывать трупы. Я вжималась в стены, карабкалась по убитым. Это были одни обры, и я поняла, что их победили. Трупов навалили столько, что ночью смогла выбраться... Они праздновали, перепились. Я украла коня и всю ночь скакала без дороги, держа направление на север... Это были не журавлевцы, другие! Жестокие. Они убивали всех.

Олег промолчал, глаза его были печальными. Он помнил, что ту крепость должны были захватить журавлевцы. Девушка жевала мясо быстро, держа ломтик у рта обеими руками, как белка орех.

– Как ты уцелел, когда горело капище? – вдруг спросила она. – Тебе помогают боги?

– Я не остался в храме, – объяснил он нехотя. – Сразу выскочил с другой стороны, укрывшись в кустах. А дальше подоспели журавлевцы.

– Ты их дразнил нарочно, – сказала она убежденно. – Так яростно кричал про святыни, осквернение!.. Изображал бешенство, но внутри был холоден, как замороженная лягушка. Мы, женщины, такое чувствуем.

Олег пожал плечами:

– Не преувеличивай. Я сам волхв, пещерник. Мне больно осквернение любой святыни. Даже чужой.

Она смотрела недоверчиво. Ее плечи вздрагивали. Олег укрыл ее плащом, сам лег по другую сторону костра. Конь звучно хрустел листьями, прядал ушами. Не фыркал, что значило бы приближение других коней. Стемнело, в небе загорелись звезды. Ночью в лесу не ходят даже бывалые охотники.

Он дремал, когда рядом зашуршало. Гульча подползла, прижалась к спине. Олег не двигался, выжидал. Она пошевелила плечами, прижалась теснее, ее ледяные руки скользнули ему под рубашку.

– В этом нет нужды, – сказал он негромко. – Я все равно помогу, чем смогу.

– Я озябла, – ответила она сердитым шепотом. – И мне страшно!

Он повернулся, обнял. Она замерла, ее сердце стучало часто-часто. Судорожно вздохнула. Олег не двигался. Она выждала, осторожно повернула голову, ее глаз странно блеснул в темноте.

– Что-то не так?

– Тебе теплее? – сказал он.

– Да, но недостаточно.

Он усмехнулся в темноте, молча подышал ей в ухо, коснулся губами мочки. Ухо сразу налилось горячей кровью. Олег начал дышать мерно, глубоко, согревая ухо теплым дыханием. С каждой минутой ее тело расслаблялось, напряжение уходило. В какой-то момент она вздрогнула, он уже видел, как она начинает выползать из его рук, как змея из кожи, подставляя его губам тонкие косточки ключиц, ложбинку между грудями, сами груди – девичьи, тугие, круглые, как большие яблоки, с твердыми сосками. Он держал ее крепко, дышал так же усыпляюще, ровно, мерно, согревал теплом и дыханием, и она расслабилась целиком, вскоре он услышал ее спокойное дыхание. Во сне ее брови так и остались удивленно вскинутыми, на лице застыло обиженное выражение.

Олег укрыл ее потеплее, сел по ту сторону костра. Было тихо, лишь потрескивали сучья, чуть слышно шелестели верхушки деревьев. Спросонья крикнула птица, словно увидела во сне хищную виверицу или злого ястреба, и снова все затихло.

На рассвете он осмотрел всех трех коней, вороного снова напоил отваром из трав и корней. Когда девушка очнулась от сна, на спине вороного красовалась оленья шкура, прихваченная самодельными подпругами из ремней. К подпругам присобачил стремяна. Олег деловито мешал ложкой в маленьком котле, огонь уже догорал, от багровых углей шел сухой жар.

– Что снилось? – спросил он равнодушно. – Сны бывают вещие. Кстати, померяй чуни.

Ее рука наткнулась на сапожки из оленьей кожи. На подошве шкура была сложена втрое, на каблуке – впятеро.

– Когда же ты успел? – вскрикнула она. – Не спал?

Сапожки пришлось точно по ноге. Она прошла вокруг костра, от сапожек веяла странная защищенность, как от могучего варвара с печальными глазами.

– Мужчина спит четыре часа, – ответил он, – женщина – шесть, ребенок – восемь, дурак – десять.

– Но ты не спал и четырех!

– Я пещерник, – ответил он просто.

Она взглянула в его зеленые глаза, ее щеки залило румянцем. Он бросал в варево искрошенные листья, помешивал, подносил ложку ко рту.

– Странные обеты дают пещерники, – сказала она наконец, – я думала, что языческим волхвам ничто не чуждо.

– А кто думает иначе, тот дурак. Верно? – спросил он.

Он зачерпнул еще, подул, не спеша отхлебнул. Несколько мгновений прислушивался, затем снял котел с огня.

– Готово. У тебя, конечно, ложки нет?

– А вдруг я чувствовала, – сказала она с вызовом, – что попаду к такому предусмотрительному человеку?

– Чувствовала – не то слово, – ответил он, шуря глаза. – Но я выстрогал для тебя ложечку.

Это был скорее ковшик, чем ложечка. Гульча вспыхнула от такого оскорбления, но от котла пахло одуряюще – она вдруг ощутила себя зверски голодной, во рту появилась слюна, а кишки внезапно завывали протяжно, уныло и требовательно.

– Я тебя довезу до ближайшей веси, – сказал он.

– А куда путь держишь ты?

– Не знаю.

Она с недоумением смотрела в печальное, неподвижное лицо. Ей лгали часто, как и она сама, – такова жизнь. Она умела отличать искуснейшую ложь, но пещерник явно говорил правду. Словно бы его вела странная сила, более могучая, чем он сам.

– Я лучше поеду с тобой, – воскликнула она с жаром.

Он покачал головой:

– Я, скорее всего, не выживу в этом пути, мне нельзя было садиться на боевого коня... Ночью слышал Голос. Он предрекал мне смерть от моего же коня.

– Сны можно толковать по-разному!

– Но не вещие. Вещие сны... другие. И всегда исполняются.

Гульча забыла про размер ковшика, черпала им с той же скоростью, как и пещерник ложкой. Наконец отвалилась, отяжелев, сыто отдуваясь, а он поднялся – сухой, поджарый, без капли жира в могучем теле, нетерпеливо протянул руку. Гульча уцепилась, со стоном поднялась.

Олег помог взобраться в самодельное седло, почти забросил, как мешок с травой. Его белый жеребец прибежал, круша кусты, на разбойничий свист. Станный пещерник, несмотря на свой немалый вес, взлетел в седло, не касаясь стремян, – так никто не садился в известных ей племенах.

Ее ступни как влитые держались в стремянах. Он укоротил кожаные ремни по длине ее ног – глаз у него был точный. Вороной заржал, в охотку пошел за белоснежным жеребцом Олега – за ночь отдохнул, наполнился игривой силой.

Гульча пустила коня бок о бок с конем Олега. Олег искоса посматривал на ее легкую стройную фигурку. Чернокосая, живуча как кошка. Обры, ради которых приехала из дальних краев, стерты с лица земного, старший брат погиб, если погиб, сама едва уцелела, ежели не врет, но румянец уже играет на щеках, глаза блестят. Жизнь берет свое...

– А если меня не удастся пристроить в ближайшем селении? – спросила она вдруг. – Я смогу ехать с тобой?

– Я привяжу тебя к дереву, – пообещал он. – Пожалуй, заткну рот кляпом или отрежу твой сладкий язык. Кто умеет подлащиваться, уговорит даже дерево!

Она негодуяще задрала кверху носик, долго ехала в молчании. В поясе ее можно было обхватить пальцами, едет гордо, выпрямившись как сосенка, крепкая грудь туго натягивает тонкую ткань... Олег хмуро усмехнулся, отвел глаза.

В этот день к полудню он обнаружил, что трое всадников идут по его следу. В открытую не гнались – это тревожило. Трое на одного мужчину и одну женщину, чего опасаются? Или что-то знают о нем?

Трое неизвестных держались в десятке верст позади, наверняка рассчитывают на удачу ночью, когда преследуемые уснут. Коней оставили далеко за деревьями, подкрадываться начали, едва Олег расседлал коней и развел костер. Они полагали, что остались незамеченными, но Олег разжег огонь в таком месте, чтобы мог увидеть любое шевеление травы в слабом лунном свете.

Усталая Гульча заснула, а Олег неторопливо варил зайца – утром пожуют холодного мяса и сразу – в путь. Он видел краем глаза каркнувшую ворону, слышал умолкнувших в одиночестве кузнечиков в одном месте, затрепавших в другом, и Олег словно увидел ползущего через густую траву человека с ножом в зубах и коротким мечом за спиной.

Он видел и других – лодырь назвал бы это ведовством, но умелый охотник объяснил бы без магии. Он разъяснил бы заодно, почему пещерник сел спиной к огню, а не лицом – только

дурень дает ослепить себя, а пещерник, сказал бы умелый охотник, не выгорит, на знающий взгляд, дурнем, хотя и святой человек.

В нужный момент Олег неслышно взял лук, бесшумно набросил тетиву, согнув рога. Затем дотянулся до колчана, высыпал пять стрел на землю, одну наложил на тетиву. Прислушался, быстро оттянул, касаясь пером мочки уха, чуть сместил прицел и отпустил стрелу.

В темноте послышался крик, но Олег уже пустил вторую стрелу, затем – третью. К четвертой протянул руку, чуть заставило упасть плашмя – над головой с шумом пронеслось что-то тяжелое. Он вскочил на ноги, качнулся влево, пропуская удар, его рука резко взметнулась вверх. Острый нож с треском вспорол полотняную рубаху, мышцы и до половины погрузился в сердце.

Человек упал, Олег отпрыгнул, прислушался. В кустах слышался стон. Слабо постанывал, прижав руку к груди, последний из сраженных – ноги судорожно дергались.

Олег отступил в тень, прислушался, отбежал на цыпочках. Третий себя не выдавал, и Олег осторожно пошел от костра, сделав большой круг, зашел сзади. Через пару минут уже знал, почему третий не стонал. Он был ближе всех, в момент выстрела стоял на коленях, уверенный, что его не видно. Одна стрела торчала в горле, другая по оперенье вошла в живот.

Олег крадучись прошел ко второму – стон мог быть притворным. Кусты трещали, в мертвенном лунном свете что-то каталось, всхлипывало. Под ногами Олега были темные лужи, он даже осмотрелся по сторонам – откуда столько крови?

Он низко наклонился над раненым, ибо луна скользнула за тучку. Тот зажимал обеими ладонями вылезающие с тонким шипением из живота кишки. Дурень стгоряча выдернул стрелу, что просадила почти насквозь, и зазубренные края наконечника распороли живот как ударом сабли.

– Кто ты? – спросил Олег тихо. Он чувствовал тошноту, смутно радовался, что темно, не видно ярко-красной крови и жуткой синевы кишок, не видит искаженного болью лица умирающего.

– Проклятый... – простонал человек. – Как же ты успел... Ведун проклятый!

Олег отступил на шаг. В пещере еще мог бы помочь, но в ночном лесу, когда в рану набилась грязь, земля, даже листья, по которым катался в агонии раненый...

– Прощай, – шепнул Олег, чувствуя на глазах слезы жалости. – Пусть земля будет тебе пухом, неразумный.

Он вернулся к костру, где оставил третьего. Тот уже вытянулся, под ним натекла темная лужа. Он все еще прижимал ладони к левому боку, из широкой раны сочилась кровь – не толчками, когда сердце еще билось, сейчас вытекали последние капли.

Олег закрыл ему глаза, оттащил в кусты. На душе было горько, словно потерял родных. Долго сидел неподвижно, затем ароматный запах вареного мяса заставил поднять голову. Пора снимать с огня, вот-вот начнет подгорать. Вода почти выкипела, но мясо разварилось, из котла шибает густым мясным духом.

Тяжело вздохнув, Олег снял котел. После драки захотелось есть, а надо еще успеть поспать. Завтра долгий путь.

Гульча дернулась во сне, снилось что-то тревожное, проснулась. Солнце уже поднялось над травами, из воздуха быстро уходила ночная сырость. Пещерник сидел у костра в той же благочестивой позе, в какой она запомнила его, проваливаясь в сон. Лик его был печален.

– Хорошо спалось? – спросил он. – Сны бывают вещие.

– Всякая всячина мерещилась, – отмахнулась она. – Охота, летящие стрелы, кровь.

Она потянула ноздрями, брови удивленно взлетели. Олег кивнул:

– Оленя подстрелил... Я пещерник, привык – медом и акридами, а тебе надо много мяса.

Жареного.

Она брезгливо наморщила носик.

– Не мог резать аккуратно. Все забрызгал кровью. Сразу видно, святой пещерник. Медом и акридами?

Позавтракали, не разводя костра. Олег намерился помочь ей взобраться в седло, она сердито отвела руку. Когда тронулись в путь, он завел рассказ о подвижничестве старых волхвов, о чудесах и видениях, древних пророчествах, отвлекая ее внимание от огромного выворотня. Ночью, чтобы не рыть могилу, он опустил трупы в готовую яму, забросал землей, а сверху навалил камни и валежины – дабы лесные звери не растаскивали человечесьи кости. Их оружие сложил с ними в могилу, хотя при частой смене богов кто знает наверняка, что понадобится в будущей жизни?

Не проехали и версты, как Гульча воскликнула:

– Гляди, оседланные кони! Надо поворачивать... Это могут быть враги.

– Со святой молитвой, – пробормотал Олег, – поедем дальше.

Гульча посмотрела подозрительно. Было видно, с какими нечеловеческими усилиями она... смолчала. Они подъехали ближе, кони мирно паслись, неловко прыгая спутанными ногами. Гульча свесилась с седла, торопливо пошарила в седельной сумке ближайшего коня:

– Здесь кое-что полезное для нас!

– Забери, – предложил Олег, не останавливая своего коня.

– Подожди же! Я переложу.

– Бери вместе с конями, – бросил Олег через плечо.

Гульча с бессильной злостью смотрела вслед, но пещерник уезжал прямой как свеча, не оглядываясь, словно уже забыл о ее существовании. Она спохватилась, быстро соскочила на землю, держа нож, кое-как перепилила веревку на ногах коней. Олег не успел отъехать и на сотню шагов, как сзади послышался топот уже четырех коней. Гульча запыхалась, жаркий румянец играл на ее тугих, как яблоки, щеках.

– Теперь у меня три запасных коня, – сказала она сердито. – Я могу обогнать тебя... если захочу. Но ты уверен, что за нами не будет погони?

Олег поднял глаза к небу, пошевелил губами. Гульча вытянула шею, подозрительно всматриваясь в хмурое лицо. Так шевелил губами ее отец, не решаясь выругаться в кругу семьи.

– Не погонятся, – ответил он наконец с терпеливым вздохом. – Не погонятся!

– Тебе боги сказали? – настаивала она, все еще вздрагивая при каждом громком шорохе.

– Демоны! – рявкнул он.

Гульча поехала тихо, как мышка, коня пустила смиренненько позади пещерника, стараясь не попадаться лишний раз на глаза. В самом деле, привяжет к дереву. Варвар...

Начал накрапывать мелкий дождь, тучи опустились, поползли, почти задевая верхушки деревьев. Земля как-то сразу размокла, копыта уже не стучали, а шлепали по грязи. Когда проезжали под деревьями, мокрые ветки хлестали по лицу, вода с мокрых волос сбегала под одежду. Однажды дорога пошла наверх, копыта загремели по камням, вода там не застаивалась, но пришлось ехать поодиночке, и Олег едва не остался с вывернутой шеей, с тревогой оглядываясь на миниатюрную девушку.

Небольшую весь увидели издали – селение расположилось в зеленой долине, там был вырублен кустарник, дабы незамеченным не подобрался враг. Три больших дома из толстых бревен с резными крышами, с сараями и пристройками, банями. Все дома и сараи под одной крышей: в дождь побываешь везде, не замочив ног, при нужде легко перебрасывать воинов из одного конца в другой.

Олег обернулся, сказал резко:

– Теперь только шагом! Никаких резких движений. Я не хочу быть утыканным стрелами, как еж.

Дорога пошла вниз, конь сразу поскользнулся, Олег спрыгнул, повел в поводу. Мокрые от дождя камни блестели, как панцири черепах. Олег удерживал напирющую лошадь, в сотый раз клялся оставить невольную спутницу в любом селе. Правда, она тоже слезла, ведет коней в поводу, но с ее тонкими ручонками удержать сонную мышь и то богатырский подвиг...

Дома постепенно приближались, Олег различал коновязи, колодцы с деревянными воротами.

– Я чувствую что-то, – услышал он сзади дрожащий голос Гульчи. – Как будто чьи-то злобные глаза следят за каждым моим шагом!

– Шагай ровнее, – пробурчал Олег громко. – Охранители веси давно идут по обе стороны дороги. Трое ломятся справа, как пьяные лоси, двое слева в соплях путаются. Видать, хорошие хлеборобы, если по лесу ходить не умеют... А вот справа один идет хорошо! Побывал на коне и под конем, не учуять, если бы помощники не сказали, что в плечах косая сажень, доспех кожаный, сапоги на лосиной шкуре, три дня не мылся, на левую ногу прихрамывает...

Справа кусты затрещали. Гульча вздрогнула, на дорогу проломился могучего вида хмурый мужик. Вода текла с него ручьем, он был действительно широкоплеч, в кожаной душегрейке, мокрые голые руки были чудовищно толстыми, в буграх мускулов. За плечами у него торчал длинный лук, на поясе болтался короткий меч-акинак. Мужик полоснул по Олегу лютым взглядом, гаркнул во весь голос:

– Степашко, Ивашко! Горшки побили, косолапые...

Из кустов вышли двое молодых парней, перегородили дорогу. Олег не двигался. Парни смотрели зло и сконфуженно. Гульча сидела на коне, как вбитый в седло столбик, а конь с хрустом объедал листья дерева, вскидывал голову, тряс мокрой гривой.

– Кто такие? – бросил мужик грозно.

– Странники, – ответил Олег. – Я пещерник, меня согнали дикие люди. Родню этой девушки убили.

Мужик смерил недоверчивым взглядом широкие плечи пещерника, остановил цепкий взгляд на его ожерелье с оберегами. Казалось, прощупал глазами каждую фигурку, взвесил, оценил. Молодые парни уже крутились вокруг лошади Олега, уважительно рассматривали торчащую из ножен огромную рукоять двуручного меча.

– Меня зовут Тверд, – сказал мужик. – Идите в деревню, но не пытайтесь надуть. Тебе боги нашептали, что я, хоть три дня и не мылся – тут ты угадал, – с мечом обращаться умею. К тому же стрелы мои бьют уток на лету с сотни шагов!

Олег смолчал, хотя и не знал, как можно мерить в шагах до летящих в небе уток. Они с Гульчей сели на коней, медленно поехали вниз по дороге. Парни взяли под уздцы других коней, лишь Тверд шел в стороне, угрюмо зыркал из-под мохнатых бровей. Его широкие ладони не удалялись от рукояти меча.

На околице их встретила визжащая детвора. В сторону пришельцев сразу полетели камни, палки. Тверд зарычал, как разъяренный медведь, детвора с ликующими воплями разбежалась. Лохматые лютые псы бросались с ворчанием, норовили стащить чужаков с коней. Олег дважды саданул одного каблуком прямо в пасть, Гульча поджала ноги к седлу. Тверд шагал насмешливый, злые искры блестели в черных глазах. Крупный пес, распалившись, ухватил его за мокрый край душегрейки. Тверд выругался, молниеносно цапнул пса снизу за челюсть, блеснул нож, и пес рухнул на дорогу с перерезанным горлом.

Псы разом попятнулись, вдруг так же одновременно набросились на смертельно раненного сотоварища. Полетели клочья, раздался визг. Тверд криво ухмыльнулся, сунул нож в деревянные ножны, даже не стерев кровь.

Когда вступили на улицу, из домов первыми высыпали женщины. Мужики выглядели спокойнее, но кое-кто держал в руке топор.

Дома тянулись, сменялись пристройками, сараями, кузнями. Олег видел, что их ведут к массивному дому. Бревна в стенах высохли и почернели, в окнах блестели тонкие железные прутья. Крыша была не соломенная, не гонтовая – из бревен в два наката. На толстой двери торчали массивные петли из железа, в них было заложено полено размером с доброе бревно.

Тверд объяснил зычно с той же насмешкой в голосе:

– Пойманных медведей держим. До праздника, потом под топоры...

– Долго нам здесь? – спросил Олег.

– Вождь со старейшинами пируют в соседней веси. Вернутся, решат.

Олег покосился на Гульчу – она не поняла зловещего оттенка в словах Тверда и двойного смысла слова «решат».

Парни увели коней, Тверд грубо дернул ножи с пояса Олега, отобрал кинжал Гульчи, и двери за ним захлопнулись. Оба остались в огромной комнате, свет проникал из двух забранных железными прутьями окон. Стены были бревенчатые, между щелей свисали лохмы почерневшего мха.

– Нам повезло, – сказал Олег с кривой усмешкой. – Зимой было бы зябко. Печи нет. Впрочем, зачем медведям?

Гульча побегала по комнате, ощупывая стены, повернулась. Лицо ее было белое от страха.

– Мы пленники?

Олег прислушался. По ту сторону двери все еще пыхтели, вкладывая засов в чересчур узкие петли. Затем шаги удалились.

– Мы чужаки, – объяснил Олег мирно. – Не бойся! Сейчас еще ничего. Будет намного хуже.

Успокоив таким образом, он снял мокрую одежду, развесил на колышках, торчащих в стене. Гульча, с глазами, полными слез, забилась в угол. Олег подпрыгнул, ухватился за край окна, долго висел на согнутых руках, что-то обзирал через решетку.

Гульча наконец повернула голову, смотрела, поражаясь, сколько же провисит, – не паук, человеку столько не дано. Пещерник долго не двигался, лишь однажды почесал босыми пятками одна другую – сапоги сохли в углу. Вдруг сказал довольно:

– Еду несут... Ого, здесь живут терпимо. Еще как терпимо!

Он спрыгнул, уселся рядом с Гульчей. Засов заскрипел, дверь распахнулась. Сперва блеснули острия рогатин с широкими наконечниками, затем через порог шагнул молодой парнишка. Толкаясь в дверях, ввалились еще двое отроков – тащили стол, две лавки, корзинки с едой. Двери загородили трое мужиков, поперек себя шире, угрожающе сжимали в руках дротики и топоры.

Отроки, блестя глазами и посапывая, выкладывали на стол жареных птиц, каравай хлеба, заднюю часть кабана, лепешки с лесными ягодами, два глиняных глечика – даже Гульча ощутила сильный запах старого меда.

Один отрок, засмотревшись на Гульчу с ее дикой красотой, едва не уронил медовые соты – подхватил другой. От двери раздался рык, отрок спешно выгрузил вареную рыбу в широких листьях, убежал, не смея поднять глаз.

Дверь с грохотом захлопнулась, снова загремел засов, послышались пыхтение, ругань. Олег довольно потер ладони:

– Неплохо живут. Что за народ, интересно?

Гульча, воспрянув духом – если так кормят, то не убьют сразу, – сказала язвительно:

– Ты, конечно, есть не станешь? Пещерники ведь одними акридами...

– Медом и акридами, – поправил Олег.

– Вот-вот!

Олег с хрустом отломил кабанью ногу, с наслаждением вдохнул запах жареного мяса, сдобренного ароматными травами, буркнул:

– Мало ли чего ты слышала... Но если настаиваешь, будешь всю дорогу ловить мне акрид, женщина.

Когда они отвалились от стола, отдуваясь и глядя друг на друга осоловело, Гульча сказала с облегчением:

– Богато живут.

– Богатство человека портит, – сказал он наставительно.

– Перестань быть пещерником хоть сейчас!

Он промолчал, делая вид, что не понял прозрачного намека. Зато понял, судя по внешнему облику своих тюремщиков, что попали к тиверцам. К тем самым, которые едва ли не первыми вышли из Леса, отделившись от невров. Тивер со своим родом так и остался жить возле Леса, новые веси пошли одна от другой часто – через полверсты-версту, все такие же махонькие, как встарь, когда кормились охотой. Землю пахали теперь как поляне, огороды завели подобно дулеbam, но и лесное дело не забывали – промышляли охотой, когда в поле завершались работы. Били зверя, рубили деревья – на коромысла, ведра, ушаты, кадки. Поляне быстро наловчились драть лыко и обулись в лапти, но тиверцы, судя по увиденному, по-прежнему в сапогах: мужики в дубленых, бабы – в мягких, расшитых бисером. Лапти, правда, есть в каждой хате – старик, что с печи не слезает, плетет от скуки, на себя меряет: в гроб принято ложиться в белой рубахе и новых лаптях.

Не растеряв связи с Лесом, тиверцы остались такими же надежными охотниками и бойцами, как и их прародители – невры. Да и в кости пошире, ростом выше соседних дулебов, древлян, борщаков, тем более – дрягвы. Лишь поляне вровень, но поляне кротки аки голуби, а тиверцы всегда готовы к драке, даже дети носятся обвешанные ножами, белок и зайцев бьют настоящими стрелами. Когда не удастся задрасться с соседом, тиверцы со скуки бьются друг с другом, идут стенка на стенку, весь на весь, конец деревни на другой, а то и правая сторона улицы на левую.

Олег не успел рассказать Гульче о тиверцах все, что понял, глядя из окна, и что знал раньше, как дверь распахнулась, в комнату хлынул яркий солнечный свет. Знакомый голос Тверда гаркнул:

– Эй, странники! Выходь на солнышко.

На утоптанной площади лужи от недавнего дождика исчезли под ногами гудящей толпы – воинов с мечами, саблями, копьями, палицами. За их спинами теснились мужики попроще, но и у них на поясах висели ножи и короткие мечи, которые Олег все еще звал по старой привычке акинаками. И молодые парни. И бабы.

Глава 6

Посреди площади сидели на широкой скамье пятеро крупных крепких мужиков. Скамья не простая: блистает яркими красками, дубовая резная спинка расписана стрелами Перуна, колесами с шестью спицами – так всегда изображают Рода, – крылатыми конями, грифонами, полканами.

Заглавным сидел медведистый мужик, борода и волосы – серые, цвета старого серебра, такие же волосы курчавились и на широкой груди; рубаха распахнута до пупа, как у молодого парубка, глаза навывкате, разбойничьи, налитые кровью белки с поволокою – мутные после гулянки. Справа и слева старейшины под стать вождю – под мостом сидеть бы с кистенем, грабить, а не решать судьбы племени. Впрочем, может быть, и промышляют. Не ради прибыли – добротню живут, – ради озорства, удали.

– Подойди, святой пещерник, – велел вождь зычным голосом.

Олег смиренно остановился в трех шагах, опустив голову. Вождь разглядывал в упор, за спиной Олега слышались смешки, перешептывания. Один из старейшин тяжело поднялся, со знающим видом ощупал обереги на шее Олега. У него самого болтались обереги из камня и дерева – попроще. Гульча держалась позади Олега, вызывающе встречала откровенные раздевающие взгляды молодых парней.

– Кто ты и откель будешь?

– Меня зовут Олег, я жил в пещере. Пришли обры, надругались, испакостили святое место... Бреду на север. Говорят, там места тихие, годные для раздумий, совета с богами и своим сердцем. А это бедная девушка, которая...

– Про нее помолчи, – прервал вождь. Голос был зычный, не голос – рев. – Сама ответит. Мы не древляне – пса выслушаем, ежели заговорит!

В толпе с готовностью заржали здоровые молодые голоса. Не из угодливости, как сразу заметил Олег, просто всех распирает здоровье – крупные, налитые сытостью, нерастраченной силой. Даже девки одна в одну: дай дубины – погонят обров вместе с дулебами, не разбирая...

– Я Гульча, – сказала девушка звонким голосом. – И я...

Вождь прервал, глаза полезли на лоб:

– Нешто я тебя спрашивал? Заткнись, баба. А то найду чем заткнуть. У нас таких не жалуют. Я рек про пса, но нашего пса. А с чужими у нас разговор короткий!

Он оценивающе рассматривал ее из-под кустистых бровей. Гульча покраснела от негодования. Старейшины негромко переговаривались – их наглые глаза уже раздели ее и снова неторопливо одели, измерили вдоль и поперек, оценили в гривнах и беличьих хвостах, теперь все четверо зевали, зыркали на длинный, угрюмый сарай. Когда потянуло ветерком, Олег уловил сильный запах браги.

– Ладно, – сказал вдруг вождь. Он звучно хлопнул ладонью по широкой коленке. – Поляне горазды языки чесать, а у настоящих мужиков разговор короткий. Бог велел быть милостивым к сирым и слабым. Это нам любо, мы ж сами такого бога выбирали! Эй, хлопцы, соберите две седельные сумки. Кони накормлены, напоены? Отборного овса мешок в дорогу! Еды и питья – на неделю. Что еще?... Ага, святому пещернику надо новый плащ, старый поклевали птицы с железными клювами. Бери-бери, вон опять туча с востока!

Олег молча поклонился. Старейшины с облегчением поднимались с лавки, без всякого почтения опередив вождя. Гульча воскликнула, приложив ладони к сердцу:

– Спасибо! Ты щедрый и великодушный. Мы будем молиться о твоём здравии!

Вождь поднялся, лавка под ним с облегчением выпрямилась. Он был одного роста с Олегом, но массивнее, тяжелее. От Гульчи отмахнулся:

– Умолкни, баба! Своему здоровью я сам хозяин – боги при чем?.. Ты остаешься. Святому пещернику поднадоела, разумеешь? Мы, мужики, по глазам понимаем друг дружку.

Гульча задохнулась, словно ее ткнули под дых. Остановившимися глазами, вытаращенными, как у совенка, смотрела на Олега. Толпа раздалась, отрок протискивался с двумя конями – вороным и белым. На белом спесиво красовалось новенькое седло, расшитое серебром, так же грузно свисали седельные сумки. По обе стороны седла были приторочены двуручный меч, колчан со стрелами, пластинчатый лук, короткое копьё. Вороной шел без седла, нес объемистые мешки с овсом, едой, там же болтался котел.

– Это мой конь! – взвизгнула Гульча. – Не отдам! Ни пещернику, ни вам, противные рожи!

Вождь прогудел одобрительно:

– Сильная женщина!.. Сам бы взял, так женки бороду выдерут.

Из толпы, без нужды распахивая народ, выдвинулся молодой румяный парень:

– Вождь, дозвожь слово молвить! Я возьму.

Вождь оценивающе оглядел Гульчу с головы до ног:

– В жены?.. А что скажет наш волхв?

– В жены не даст, – заторопился парень, – а в рабыни можно... Помнишь, я два раза ходил на умыкание? В первый раз отдал Гордею, у него женка перекинулась, в другой раз утопил, когда боги возжелали жертву...

В толпе сочувствующе загудели. Вождь вскинул руку, похожую на бревно:

– Сам знаю, Масляк старался для отечества. Надо и его уважить, раз он свое, можно сказать, уже кровное отдал. Даже не попробовал. Надо и его уважить! Община держится справедливостью! Наша – в особенности. Бери ее всю, Масляк.

Парень шагнул к Гульче, рот растянулся до ушей. Он был дебелый, краснощекий, но не краснорожий, с широкой грудью и длинными работающими руками. На вздутых ладонях желтели крупные, как орехи, мозоли от плотницкого топора – от боевого вспухают лишь водянки. Гульча отступила, вскрикнула в ужасе:

– Не пойду!.. Олег, не отдавай!

Олег сказал убеждающе:

– Остаься. Племя здесь крепкое, богатое. Люди – надежные, смелые. И парень тебя хороший берет, я вижу.

Отрок застенчиво передал ему повод, и Олег приготовился вскочить в седло. Сзади раздался отчаянный женский крик – Масляк, глупо улыбаясь, тащил за собой Гульчу. Ее хрупкие пальцы утонули в его огромной ладони. Она упиралась, подошвы вспахивали каблучками утопанную землю, оставляя мокрые полосы.

– Олег! – кричала она отчаянно. – Не отдавай! Ты не просто оставил меня, как грозился, а отдал в рабыни! В рабыни!

Олег постоял, держа ладони на прогревом солнцем седле. У славян нет жуткого рабства, как у восточных народов, рабы живут той же жизнью, что и все в племени, через год-два они уже полноправные члены общины, а их дети могут стать племенными вождями и походными князьями...

Он вздохнул, с усилием повернулся к вождю, старейшинам:

– Отпустите ее со мной.

Голос прорезал гомон, как острый меч рассекает тонкие ветки. Масляк остановился, с недоумением смотрел на пещерника. Гульча отчаянно дергалась, выдирала руку, но Масляк стоял, словно врытый в землю столб, и не замечал, что с ним дерутся.

Вождь повел налитыми кровью глазами. Хриплый голос был скорее удивленным, чем сердитым:

– Я отдал Масляку... Но святых пещерников надо чтить – так завещано. Хочешь взять ее для своих нужд – возьми! Если Масляк отдаст, теперь он хозяин.

Олег встретился взглядом с Масляком, вздохнул, тяжело побрел обратно. Воины забежали, подавая толпу назад, образуя круг. Старейшины быстро опустились на лавку, как куры на насест, – ее только оттащили подальше. Глаза старейшин и даже вождя начали просветляться – добрая драка лучше похмелья. Вождь проговорил со странной усмешечкой:

– Божий суд!.. Боги зрят правду, ежели не спят и не бегают по бабам.

Олег остановился в середине круга. Масляк отпустил Гульчу, пошел на пещерника. На круглом лице было виноватое выражение: пещерник, святой человек как-никак... Он нехотя взмахнул кулаком, метя в грудь. Олег чуть сдвинулся, кулак угодил в плечо. В глазах парня мелькнуло удивление: мышцы святого старца были как гранитный валун.

Он ударил с размаху, целясь в голову. Пещерник снова отодвинулся. Масляк успел увидеть мелькнувшую землю, в лицо с размаху ударило чем-то твердым, рот забился грязью. Сквозь боль и шум в голове услышал крики. С трудом поднял голову – на ладони осталась кровь вперемешку с грязью. Он лежал на непросохшей земле, пещерник высился над ним, как гора, глядел сверху вниз внимательно и печально. За спиной пещерника народ подышал от смеха, приседал, хлопал себя по коленям, с гоготом тыкал в его сторону корявыми пальцами.

Масляк взревел, вскочил, ринулся на Олега. Снова мелькнули перекошенные лица, земля и небо поменялись, и Масляк грохнулся плашмя о землю. Голень больно ныла. Масляк догадался: подножка. Он вскочил, бросился со всей дури, снова с размаху грохнулся, из разбитого носа брызнули кровавые сопли. Из восторженных воплей понял, что пещерник не тронул его и пальцем, отпрыгивал да уворачивался, в нужное время ставил подножку, однажды дал пинка в зад.

Поднявшись в очередной раз, Масляк пошел на противника медленно, пожирая горящими от вспыхнувшей ненависти глазами. Кровь заливала сорочку, передние зубы шатались.

Масляк потрогал их языком, молча поклялся бить сильно, но с места не двигаться. Пещерник даже не запыхался, в их деревне так дрался лишь Тверд, но тот побывал в самом Царьграде, служил кесарю, воевал в дальних странах!

Олег принял град ударов на локти, плечи. В глазах парня горело бешенство, он с силой выбрасывал огромные кулаки, сопел, как разъяренный бык. Плечо Олега заныло – Масляк бил сильно. В толпе орали, свистели, и Олег наконец схватил Масляка за кулак, дернул, присел, и тяжелое тело перелетело через него.

Вождь досадливо крикнул. Олег видел по сузившимся глазам, что вождь понял – пещерник может сломать руку молодому парню, но жалеет, не калечит. Масляк поднялся под свист и вопли, снова бросился и снова оказался на земле. В толпе стоял сплошной рев, глаза горели. Олегу на миг почудилась огромная арена, во все стороны кругами уходят ряды, тысячи богато одетых зрителей орут, стонут от наслаждения, вытягивают руки с опущенными вниз большими пальцами...

Масляк всякий раз поднимался – окровавленный, в разорванной одежде. Олег чувствовал раздражение и злость.

– Все, – сказал он громко, обращаясь к Масляку. – Остановись. Ты побежден, понимаешь?

Масляк надвигался, останавливался, стирал ладонью кровь со лба, что заливала глаза, слепила. Он покачал головой, говорить не мог, губы распухли, как олады, горло посинело, передние зубы лежали в красной грязи.

Олег повернулся к вождю:

– Разве бой не до первой крови?

Вождь оскалил зубы – желтые, огромные, крепкие:

– Что кровь?.. Кошка царапнет – тоже кровь. Пока не останется один на ногах.

Олег со злостью повернулся к надвигающемуся на него истерзанному человеку – лицо было кровавой маской с разводами грязи. Кулак метнулся вперед, со всей силой ударил в угол нижней челюсти. Масляк еще стоял, как малое время стоит срубленное дерево, а Олег пошел к Гульче, крикнул:

– Собирайся!

Сзади тяжело грохнуло. В толпе на этот раз охнул женский голос, воины и простые мужики молчали. Гульча смотрела на Олега расширенными глазами. Опомнилась, часто-часто закивала, опрометью бросилась к коням. Отрок ей повод не отдал, выжидающе смотрел на вождя.

Вождь поднялся, покачался на кривых ногах, став еще более похожим на медведя. Его глаза налились кровью, в них блистали злые молнии.

– Масляка унесите. Цел, не вопи... Святой пещерник, ты не всегда молился в пещере, верно?

– Пещерниками не рождаются, – ответил Олег уклончиво.

– Видим. Тебя недооценили. Так что этот бой не в счет. Сам понимаешь, надо на равных. Чтобы по-честному, верно? Наше племя стоит на справедливости. То был кутенок супротив тебя. Побьешь настоящего мужа, иди с богом. И бабу бери.

– Я готов, – ответил Олег кротко и потупил глаза.

Вождь обвел суровым взглядом собравшихся. Одни бодро выпячивали грудь, другие опускали глаза, еще были такие, кто прятался за чужие спины. Вождь раздраженно засопел. Молчание тянулось, наконец за спиной Олега прогремел густой сильный голос:

– Дозволь мне, княже.

Из толпы выступил суровый гигант – Тверд. Лицо его было темным от загара, надбровные дуги выступали вперед, глаза сидели глубоко. Теперь он был в душегрейке из грубой кожи, голые плечи блестели, как валуны, руки были перевиты толстыми жилами. На запястьях блестели булатные браслеты русина, и он сразу понимающе оглядел браслеты на руках пещерника. На левой руке Тверда был каратыгский меч с чуть закругленным острием.

– Тверд, – сказал вождь предостерегающе, – мудрый волхв носит разные обереги.

– Вижу, – отозвался Тверд. Он медленно потащил из ножен другой меч, вдвое короче, с узким лезвием. – У меня такой же!

Олег вернулся к коню за мечами – они начали медленно сходиться посреди круга. Вождь рывкнул, велел сделать круг пошире, никто не сдвинулся, и старейшины бросились отпихивать народ, упираясь головами и плечами.

Внезапно в круг ворвалась Гульча, ухватила Олега за пояс:

– Дай мне нож!

– Будем драться вместе? – спросил он.

В толпе хохотнули.

– Они не возьмут меня живой!

Олег вытащил из чехла нож, отбросил в сторону. Гульча быстро подхватила. Да, славяне почти не держат рабов – кто выживет, того вскоре принимают в общину. Но если Масляк помрет, то ее ухватит этот опьяненный кровью велег. Тонкие косточки затрещат, окровавленные пальцы будут шарить по ее телу. Еще повезет, если станет забавой только для Тверда и братьев, если они есть, – один мужик, даже тиверец, лучше, чем три десятка. Ведь он может, насытившись, бросить ее молодым парням на потеху, пока она еще не человек – добыча...

В толпе затихли: двое бойцов уже шли медленно по кругу, чуть пригнувшись, присматриваясь друг к другу. Тверд был чуть ниже Олега, но в плечах тяжелее – они казались покатыми под массой мускулов. Голые руки вздулись, в рыжих волосах прыгали солнечные искорки. Руки были длиннее, чем у пещерника. Лицо в шрамах, нос расплюсчен, словно ударом копыта.

Олег наконец выдернул меч из ножен, в толпе ахнули. Голубоватый булат блеснул, как холодное пламя. Тверд вытянул руку с длинным мечом вперед. Мечи звонко цокнулись кончиками, пробуя вес чужого меча, крепость хватки.

Внезапно Тверд прыгнул вперед, ударил наискосок. Олег ловко парировал: Тверд всего лишь проверял защиту. Снова медленно пошли по кругу, следя за каждым движением друг друга. В толпе замерли: Тверд – лучший боец, известный русич, почему так осторожен?..

Тверд прыгнул, тяжелый меч взвился с легкостью хворостинки. Олег с трудом отражал удары – тиверец оказался намного быстрее, чем можно было ожидать от такой бычьей туши. Тверд наступал шаг за шагом, глаза блестели холодно, не увлекался, был готов к защите, выпадам, подвохам.

Мечи сшибались с треском, между волхвом и Твердом словно бы мерцал занавес из ярких бликов в быстро бегущем ручье. В толпе ахали, не могли уследить за молниеносными ударами – мелькали не два меча, а две дюжины!

Тверд упруго вдруг отпрыгнул, уловил момент ответного выпада. Щит поднялся, защищая голову, а мечом он полоснул вниз, пытаясь достать колени пещерника. Олег едва успел уклониться, поспешно опустил щит, но меч Тверда блеснул над головой, и Олег упал на спину, перекувырнулся, вскочил, отражая страшный удар, нацеленный в шею.

– Александрийская школа... – прохрипел Тверд. – Ничо... русичи тоже...

Он насел, обрушивая такие тяжелые удары, словно бил молотом по наковальне. Капли крови сорвались на грудь, руки, в толпе азартно завизжали. Олег отступал, и народ расступился, выпуская его из круга. Тверд усилил натиск, Олег внезапно отшатнулся, страшный удар меча пришелся по столбу Велеса. Скотьего бога тесали из кондового негниющего ствола – лезвие врубилось глубоко, на всю его ширину, и Олег опустил свои мечи. Его грудь вздымалась часто, дыхание вырывалось с хрипом.

Тверд с руганью дергал за рукоять, от него веером летели крупные капли, словно огромный пес отряхивался после купания. Он дважды оглянулся в страхе на Олега, тот отдышал, в спину не бил.

Красный, злой Тверд с огромным усилием выдрал меч, тут же прыгнул на Олега. Олег отразил два удара, внезапно взмахнул наискось, Тверда отбросило. По искаженному лицу Олег понял, что левая рука русича онемела.

– Ничо, ничо, – прохрипел Тверд. Он дышал тяжело, по красному лицу струился пот. – Не бойсь, я не мясо... А вот ты – труп!

Снова заблестели две дюжины мечей. Олег и Тверд сходились грудь в грудь, парировали, делали выпады, обомлевшим зрителям казались двумя водоворотами смерти – не уследить, слишком все стремительно: тяжелое дыхание, запах пота, ослепительные искры колют глаза.

Тверд нанес страшный удар сверху, тут же полоснул над землей по коленям. Лезвие пропороло кожу штанов, Олег отпрыгнул запоздало – штанина повисла, и Олег отступил, шатаясь под градом ударов. Штанина волочилась по земле, мешала, по голой ноге побежала струйка крови.

В толпе нарастал гул, Тверд оскалил зубы, чую победу. Отшвырнув акинок, перехватил меч обеими руками, пошел рубить справа и слева. Олег пятился, кровь заливала глаза, сердце колотилось часто, грозя выломать ребра. Он тоже отшвырнул малый меч, но двуручным лишь парировал удары, все хуже и хуже. Внезапно он отступил в сторону, Тверд проскочил с разбегу, но тут же круто развернулся. Яркое солнце ударило в глаза. Полуослепленный, он почти не видел, как жутко блеснуло голубое лезвие чужого меча.

В толпе вскрикнули. Ноги Тверда подломились в коленях, он опустился медленно, словно хотел прилечь, но он был мертв раньше, чем голова коснулась земли.

Олег дышал тяжело, вяло стер ладонью со лба кровь, голос стал сиплым:

– Могучий русич... зазя погиб...

Вокруг него были не люди – врытый в землю частокол, а лица белели, как горшки из белой глины. Даже дети не двигались, смотрели на залитого кровью страшного чужого человека расширенными от ужаса глазами.

Вождь медленно поднялся, подошел к распростертому Тверду. Под могучим русичем расплылась огромная лужа крови, темная земля стала багровой.

– Он мог бы стать вождем, – проговорил вождь странным голосом. Олегу почудилось облегчение. – Но богам сверху виднее...

Олег сквозь кровавый туман ощутил, что его дергают за руку. Гульча поднялась на цыпочки, тянулась к его лицу с чистой тряпицей:

– Наклонись! Надо перевязать.

– Не надо, – прохрипел Олег. – Остыну, кровь остановится. Перевяжи ногу...

Она упала на колени, быстро и умело перетянула рану, сунув под тряпицу лист подорожника. Мужики поволокли за руки Тверда, ноги волочили, подкованные сапоги русича оставляли глубокие борозды. Какой-то парнишка бережно и с усилием поднял меч, понес его за поверженным богатырем. Посреди круга осталась огромная парующая лужа крови.

Вождь долго шушукался со старейшинами, поворотив к Олегу широкою, как холм, спину, наконец повернулся – злой, насупленный:

– Волхв... Все равно это не по-нашенски. Мы, тиверцы, верим только в богов и свои силы. Тверд много скитался по белу свету, многому научился, это и сгубило. Не надо нам заморских штучек!.. Тебе бороться со мной, понял? Сила на силу.

Гульча ахнула, вскочила, как злая кошка, – кулачки сжаты, глаза горят. Олег молча отодвинул ее с дороги. Вождь стоял посреди круга, массивный, коротконогий, еще похожий на рассерженного медведя. Грудь была как бочка, живот выпирал поверх пояса, а руки были толщиной с бревно. Массивнее и тяжелее Тверда, он напоминал скалу, у которой солнце, ветер и дожди сгладили острые края, оставив нетронутой исполинскую глыбу.

Олег вздохнул поглубже, изгоняя усталость, вытянул руки. Его пальцы наткнулись на ощупывающие пальцы вождя, каждый как топориче толщиной, сам сделал выпад, обхватил. Рук едва-едва хватило, чтобы сцепить на спине пальцы. Он задержал дыхание, вождь тоже сдвинул, в глазах Олега потемнело – словно попал между сдвигающимися горами. Задерживая дыхание, он напряг мышцы груди. Ребра гнулись, трещали, остро кольнуло болью. Дыхание забивал мощный запах браги и смрад гнилых зубов.

Они качались, упершись грудь в грудь. Олег не видел ни оскаленного лица вождя, ни вытаращенных глаз в толпе. В глазах потемнело, жар бросился в голову, в ушах звенело. Он напрягал мышцы, сжимал руки все сильнее, в свою очередь чувствуя, как вождь крушит ему ребра, рвет сухожилия, ломает кости...

Внезапно услышал хруст. На спину словно плеснули горячим, а чудовищные руки, что крушили его тело, ослабли. Он сдвинулся из последних сил, хрустнуло громче. Руки вождя медленно разжимались. Олег отпихнул грузное тело, отступил, высвобождаясь от объятий. Из ноздрей и раскрытого рта вождя хлестала, как из лопнувшего бурдюка с вином, кровь. В голове Олега гудело, перед глазами стоял кровавый туман. На лбу открылась рана, кровь снова побежала через брови в глаза.

Вождь грохнулся навзничь, как срубленный дуб-великан. Земля дрогнула, далеко за заборами залаяли псы. Из рта вождя все еще бежала темная кровь, заливая грудь.

Гульчачак скользнула к Олегу, просунула голову ему под руку, повела-поташила к их коням. Мальчишка, бледный как снег, безропотно отдал поводья. Его пальцы дрожали, а глаза были огромные, как плоски.

Олег с помощью девушки тяжело взобрался в седло. Гульча торопливо вскарабкалась на своего вороного, схватила белого коня за повод:

– Н-но! Быстрее отсюда!

Старейшины стояли тесным кругом над вождем, лица были потрясенными. Один наконец поднял голову, глаза были налиты кровью, точь-в-точь как у покойного вождя.

– Пещерник или сам Чернобог! Ты волен покинуть нашу весь. Но когда пересечешь реку – там кончаются наши земли, – мы свободны перед богами. На тебя начнет охоту всякий, кто пожелает.

Олег тряхнул головой, в глазах стало светлее. Он уже мог различать лица. Тиверцы смотрели со всех сторон с ужасом, но так смотрят и на огромного секача, лютого медведя-великана. Тем больше чести затравить, победить, раскроить голову лихим ударом, содрать шкуру и повесить на стене!

– А если мы не пересечем реку? – спросил он хрипло.

Старейшина оглянулся на остальных, голос его стал тверже, обрел нотки вождя:

– В наших землях ты в полной безопасности!.. Поручкой – боги. До самого захода солнца.

Олег оглядываться на солнце не стал. Тени удлиннились, начали сливаться, обещая скорый приход сумерек.

– На честных людях белый свет держится, – пробормотал он, борясь со слабостью. – Прощевайте. Не поминайте лихом.

Позади остались тела двух сильнейших мужей, у Масляка всю жизнь будет гудеть в ушах, но сказать на прощанье надо было что-то, и зря Гульча побелела, как его конь. Олег сказал ей хрипло:

– Быстро – на тот берег. Мы уже в седлах, понятно?

Он послал коня с места в галоп. Сзади тут же загредел частый топот – тонконогий вороной летел следом, как птица, ему передан страх всадницы.

Они вылетели за околицу, впереди неожиданно близко мелькнула вода. Речка обещала быть мелкой, берег понижался медленно. Конь Олега вломился в камыши, распугивая жаб и уток, промчался, поднимая завесу искрящихся брызг. Вода достигла брюха коня, потом дно поднялось, по ногам скользнули, застряв в стременах, мокрые стебли болотной травы, и кони бок о бок вынесли на другой берег.

Олег на скаку оглянулся, охнул от боли в ребрах. Далеко позади между домов метались крохотные фигурки, бегом выводили коней, седлали второпях, снова врывались в дома, спеша ухватить оружие. Доносились приглушенные расстоянием вопли, визг, бешеный лай.

– Догонят? – спросила Гульча в страхе.

– Если захватят запасных коней. А они захватят, тиверцы – народ богатый, запасливый. Зря ты не осталась.

– Они отобрали наших запасных коней! – крикнула она с негодованием.

– Коня не совсем наши, – напомнил он, чувствуя, как постепенно возвращаются силы. – Мы их нашли, помнишь? Но когда ты успела подобрать эти мечи?

– Пока вы давили друг друга в нежных объятиях. Я знала, ты одолеешь! Вон какой бык, хоть и прикидываешься святошей.

Голос ее звучал уверенно. Олег поморщился от боли во всем теле. Он во время схватки вовсе не был так уверен в ее исходе. Скорее, наоборот.

Над головой проносились суковатые ветки. Дорога сузилась, наезженная часть заросла травой, сухой стук копыт сменился сочным хрустом. Сперва тянулась сочная трава, затем – толстый зеленый мох, наконец, замелькали поляны коричневых перепрелых листьев, под ними прогибалось толстое одеяло мха.

Гульча припала к шее коня, внезапно ощутила себя маленькой и беспомощной среди холодных бескрайних просторов. Здесь, вдали от привычного ей мира, бурлит незнакомая жизнь, рождаются и гибнут народы, возникают новые племена и союзы, где свирепые варвары воюют, создают новые законы, мораль, этику... Что возникнет в этом бурлящем котле? Спасе-

ние или гибель для цивилизованного мира, для ее богоизбранного народа? Придут ли отсюда, как было предсказано, свирепые Гог и Магог?..

Олег дважды поворачивал коня – резко, неожиданно. Обернуть подковы, как делают хитрецы в детских сказках, – нелепо. Голыми руками не обернешь, про это забывают, к тому же всегда сильнее вдавлен край в сторону, куда скачешь. Он менял дорогу, чтобы не смогли устроить засаду.

Солнце опускалось за виднокрай, когда сзади послышался настигающий топот. Вскоре донесся ликующий злобный вопль – беглецов увидели. Гульча послала коня вперед, в страхе пытаясь проскользнуть вперед коня пещерника, но дорога была узкая, деревья стояли стеной, и они неслись между двух стен – хищные ветви едва не выбрасывали из седел.

Вдруг пещерник резко повернулся, Гульча успела увидеть прищуренные глаза, мимо уха свистнуло, сзади раздался крик. Гульча уткнулась лицом в теплую шею коня и закрыла глаза. Над головой вжикнули еще три стрелы, сзади стук копыт начал слабеть.

Олег повернулся как раз в тот момент, чтобы пригнуться, – перегородившая дорогу рогатая ветка едва не проломила ему голову.

Когда дорога расширилась, Гульча догнала пещерника. В ее больших глазах с удивленно вздернутыми бровями был вопрос.

– Самые горячие, – крикнул Олег, не поворачивая головы. – Теперь догонят те, кто поумнее!

Солнце скрылось, на землю упали сумерки, и снова раздался настигающий стук копыт. Олег хмуро усмехнулся: славяне научились, подобно степнякам, на полном скаку перепрыгивать с усталых коней на свежих!.. Впрочем, славяне на треть скифы, а те первыми придумали верховую езду, стремяна и многие боевые приемы.

Мимо Гульчи, что снова оказалась позади, пронеслась стрела, со злым стуком вонзилась в дерево. Олег не оглядывался, пока конь не вынес на широкую поляну. Затем в его руках мелькнул лук, конь не успел прыгнуть трижды, как пещерник пустил четыре стрелы. Крик послышался, едва исчезла первая стрела. Потом крик стал многоголосым, и топот оборвался.

Гульча догнала Олега. Он невесело оскалил зубы:

– Остановили и умников... Теперь черед осторожных. Эти закроются щитами, навалятся массой. Не остановятся.

В лесу быстро темнело. Ее лицо расплывалось бледным пятном. Голос дрожал, словно тонкая паутина:

– Ночью они не погонятся?

– Они знают окрестные леса, – ответил Олег горько, – а мы нет.

Конь под Олегом ступал осторожно, наконец остановился вовсе, впереди была чернота. Чернота окружала сзади и с боков. Он соскочил на мшистую землю, снял обе седельные сумки, меч. Хотел было снять и седло, большую цену дадут, но передумал – быть бы живу.

– Придется пешком, – сказал он, – останавливаться нельзя.

– А кони?

– Останутся как вира: твой – за Масляка, мой – за Тверда.

Ее сладкий голосок был полон яду:

– Ты забыл вождя, святой пещерник! И стрелами в кого-то случайно попал.

– Тебя красиво обрядили, – бросил он, – и серьги с камушками... Чем не вира?

– А я пойду голой?

– Лето, – буркнул он безучастно.

Он закончил снимать кладь со второго коня, перегрузил на плечи. Гульча пыталась помочь, тащила всякую мелочь на свои узкие плечики. Он чувствовал ее страх и добавил примирительно:

– Тебе можно ходить голой. Красоту грешно прятать.

Гульча с первого шага ударилась лицом о что-то твердое и шершавое, упала – за ногу ухватили сучковатые пальцы. Олег шипел, как рассерженный смок, торопил. Она ревела втихомолку, измученное тело ныло, хотелось есть, воздух стал холодным и сырым, как в погребке.

Внезапно на плечо упала широкая ладонь, голос пещерника шепнул в ухо:

– Замри. Даже не думай шелохнуться.

Она застыла, перед глазами поплыли цветные пятна. Где-то хрустнула ветка, рядом звонко щелкнуло. В полусотне шагов раздался вскрик, затем кто-то застонал протяжно и жалобно. Тетива щелкнула снова, сильные пальцы ухватили Гульчу за руку, она послушно побежала, падала, натыкалась на деревья, слезы лились потоками. Иногда надо было останавливаться, тогда страшно щелкала тетива, и снова бежали через тьму, где за кронами не видно даже лунного света. Один раз услышала сухой стук, в лицо брызнули кусочки коры.

От одежды остались лохмотья. Пещерник стрелял все реже. Наконец они выскочили на слабо освещенную поляну, волхв отбросил было лук, огляделся, тут же подхватил лук и сунул в чехол за спину. Глаза его были дикие, расширенные.

– В низину! Там болото.

Деревья расступились, в холодном свете луны впереди просматривалась черная и неподвижная, как смола, вода. Олег вбежал первым, разбрызгивая болотную воду. Гульча пошла пупырышками от ужаса, едва ноги погрузились в жидкую грязь по щиколотку, потом по колени. Под ногами тут же зашевелилось что-то живое.

Они ломались сквозь осоку, камыши. Вскрикнула разбуженная болотная птица. Потом бежали по чистой воде, дно уходило из-под ног. Гульча в страхе остановилась. Олег рассерженно швырнул ее на плечо, побежал, не сбавляя шага.

Вода поднялась ему до плеч, и Гульча перестала требовать сердитым шепотом, чтобы он немедленно отпустил ее, ибо она сохранила свой кинжальчик и не позволит...

Лунные блики на воде раздробились на тысячи осколков. Впереди выросла черная стена. Дно медленно поднималось, Олег дышал, как загнанный зверь, но все ускорял шаг. Гульча соскользнула в воду, та оказалась до жути холодная, передернуло, но она мужественно пошла сама, с перепугу обгоняя Олега.

На берегу Гульча упала, Олег на ходу подхватил, потащил в темную чашу. Гульча запротестовала:

– Там хоть глаз выколи!

– А здесь выколют наверняка.

Она снова натыкалась на деревья, на губах было солоно, руки и ноги ныли от синяков и царапин. Олег шел медленно, но не петлял – Гульча всегда видела луну слева, когда той удавалось прорваться сквозь густые ветки.

Иногда они просто карабкались наверх, цепляясь за кусты. Вместо мокрой земли и толстого мха пошли покатые камни. Однажды под ногами слабо блеснул в лунном свете ручеек. Бежал сверху, звенел, прыгая с камня на камень. Олег на ходу зачерпнул ладонями, жадно напился.

Гульча в первую очередь плеснула ледяной воды на разгоряченное лицо, ужасаясь тому, как, должно быть, страшно она выглядит, поспешно смыла кровь, пот и грязь.

Рассвет застал их бредущими по берегу. Над рекой было звездное небо с тусклой луной. Они держались реки поневоле, чтобы видеть, куда ступают их ноги. Гульча выбилась из сил, Олег хмурился, всматривался в зарубки и затеси на деревьях, похожие на следы от медвежьих когтей.

– Мы в землях рашкинцев, – сказал он мрачно. – Самые свирепые... Они убивают всех чужестранцев. Приносят в жертву своим жестоким богам. Если бы просто убивали!

Он не договорил, махнул рукой. Гульча, успевшая в изнеможении присесть, пугливо подхватила, как слепая двинулась вперед. Когда небо посветлело, Олег начал ее поторапливать, он все чаще оглядывался. Бесплезный лук висел за спиной, колчан он потерял в лесу. За спиной торчал огромный меч, на поясе все еще висели два ножа.

– Погоня? – спросила Гульча тихо.

– Настырные, – ответил он нехотя. – Сколько сил тратит человек, чтобы убить себе подобного! Нет страшнее зверя, чем человек... когда он зверь.

Гульча смолчала, закусив губу, брела, спотыкаясь, падала, ее подхватывала могучая рука, и Гульча снова брела, почти не видя дороги. В какой-то момент услышала пронзительный свист. Пещерник рядом с ней остановился, покрутил головой. Ответный свист раздался с другой стороны, и пещерник медленно вытащил меч, встал спиной к дереву.

– Отойти подальше, женщина, – сказал он коротко.

Гульча бросила руку на свой кинжальчик, огляделась:

– Они догнали нас?

– Да.

– Я думала, что ты все можешь...

– У меня был тяжелый мешок, – напомнил Олег.

Голубые глаза бесстрастно осматривали деревья, кусты, завалы. Он стоял, расставив ноги, меч холодно блестел в его руке. Гульча нахмурилась, она не считала себя мешком, сам же недавно одобрительно отозвался о ее фигуре, какой она мешок, но вытащила кинжал и стала с ним рядом.

Из зарослей в сотне шагов слева вышел высокий мужик. Он был в шеломе, кольчуге, на поясе висел короткий меч. Остановился, хмуро глядя на Олега, из-за его спины выдвинулись и стали рядом два молодых парня. В двух десятках шагов раздвинулись кусты, блеснули шлемы, один за другим начали выходить тиверцы. Мечи висели на поясах, в руке у каждого был дротик. Трое держали луки с наложенными на тетивы стрелами. Олег насчитал восемнадцать человек, но из кустов появлялись все новые люди, лица их были перекошены злобой.

Мужик пошел вперед, его ладонь лежала на рукояти меча. Олег хмуро наблюдал, Гульча мелко дрожала, переступала с ноги на ногу. Мужик остановился в двух десятках шагов, крикнул:

– Я Тур из племени тиверцев! Тверд был моим братом. Если бы ты знал, кто за тобой гонится, бежал бы быстрее!

Олег промолчал, на душе было горько и пусто. Во всем теле чувствовал страшную усталость, внезапно захотелось, чтобы все быстрее кончилось. Пусть убьют, срубят голову, посадят на кол, но оборвется эта тоска, сжигающая душу.

Гульча звонко крикнула:

– Если ты так храбр, почему не вышел на бой вслед за братом?

Тур медленно повернул голову, смерил взглядом с головы до ног, словно удивлялся говорящей козявке.

– Вождь решил иначе... Но теперь я здесь, а это меняет дело.

– Тогда возьми нас! – крикнула Гульча. Она угрожающе взмахнула кинжальчиком. Тур не усмехнулся, глаза его были жестокими, а лицо застыло, как вырубленное из камня. Он был даже крупнее Тверда, в нем чувствовалась неотесанная звериная сила.

По его знаку тиверцы начали заходить с разных сторон. На их исцарапанных ветками лицах была жгучая ненависть. Тур обернулся, слыша шаги за спиной, предупредил громко:

– Живыми не брать!.. В схватку не лезть, я не хочу терять людей. Убейте их стрелами! Закидайте копьями!

Мужики приблизились на расстояние броска копья. Олег толкнул Гульчу, пытаясь заставить лечь, она ускользнула, словно змейка, из-под руки. Он видел, как у воинов побелели суставы пальцев, сжимающих древки дротиков.

Глава 7

Внезапно из зарослей прогремел новый голос:

– Опустите копьё!

Тур круто развернулся, застыл с полуоткрытым ртом. Из кустов, раздвинув ветви, на них смотрели нацеленные стрелы. Их было много, а затем из леса стали выходить, минуя стрелков, рыжеволосые люди – коренастые, массивные, со свирепыми лицами. Они были в кольчугах, что опускались до коленей, на поясах с обоих боков у каждого висело по два меча.

– Рашкинцы? – прошептала Гульча в страхе.

Олег смолчал. Тур быстро оглянулся на своих воинов, те не двигались, замерли, как мыши в норах. Красноголовые воины приближались не спеша, зловещие ухмылочки играли на их крупных лицах, испещренных шрамами.

Остановились, не доходя до воинов Тура. Один, высокий, с волосами, как красная медь, неторопливо пошел вперед. Его прищуренные глаза оценивающе перескакивали с Олега и Гульчи на Тура.

– Что вы делаете в наших землях?

Тур ответил хмурым голосом, дрожащим от ярости:

– Этот чужак убил в моем племени моего брата и вождя. Я должен отомстить!

Красноголовый вождь кивнул благосклонно:

– Мсть – это хорошо. Единственное, чем человек отличается от зверя, это святое чувство мести! Зверь не умеет мстить... Меня зовут Храбр, я – младший вождь. Я и мои воины будут свидетелями, чтобы все было по-честному. Ты сам будешь мстить или выставишь замену?

Олег впервые улыбнулся. Он расправил спину, прямо посмотрел Туру в глаза. Тот оглянулся на своих воинов. Они поспешно опускали головы. Кое-кто отодвигался за чужие спины.

Рыжеволосый Храбр непонимающе огляделся, его внимательный взгляд задержался на берегах, что свисали с шеи Олега.

– Что случилось? – потребовал он.

Олег впервые разомкнул губы, сказал медленно, с нарочитой оскорбительной интонацией:

– Этот трусливый пес привел с собой целую свору... Он не может стать лицом к лицу с мужчиной. Пусть скажет, если я не убил его брата, как и вождя, в честном бою! Пусть обнажит свой меч! Я повторяю перед лицом твоим, Храбр, и твоими воинами: это трусливый пес, как и его свора!.. Я готов это доказать на любом оружии.

Храбр широко улыбнулся, в серых глазах заблестали искры, как на булате:

– Хорошо сказано. Эй, как тебя... Тур, выбирай оружие!

Олег сказал громко:

– А затем я вызываю всех его воинов по очереди. В том порядке, в каком захотят сами. Всех его трусливых псов!

Улыбка Храбра стала шире. Среди его воинов пронесся говор, они окружили поляну широким кольцом. Люди Тура сами оказались в ловушке. Гульча искоса посматривала на Олега, в манере пещерника были нарочитость, подчеркнутая готовность к кровавому бою.

Тур переступил с ноги на ногу, его воины опустили уже оружие на землю. Тур повернулся к Храбру:

– Я не стану с ним драться, он пользуется чарами! Я стою за честный бой.

Его воины громко закричали, над головами взлетели сжатые кулаки. Храбр бросил быстрый взгляд на Олега – тот стоял спиной к дубу, лезвие поблескивало под утренними лучами.

– По-моему, – сказал он медленно, – у этого чужака в руках совсем не чары... Эй, Твердозуб!

Из дальнего ряда воинов вышел высокий седой старик. У него было темное, как кора, лицо, испещренное глубокими, словно овраги, морщинами. Его плащ трепетал на ветру, на толстом поясе висели рядом с мечом обереги, рукоять меча блестела, отполированная частым прикосновением.

Старик кивнул Храбру, выступил вперед. Его зычный голос прорезал напряженное молчание, как треск падающего дерева:

– Меня зовут Твердозуб Оберегатель. Я прослежу, чтобы поединок был честным, чтобы чары не мешались. Пусть поразит меня Перун, если допущу кривду или мару.

Олег улыбнулся как можно зловеще, глядя Туру прямо в глаза, очень медленно шагнул от дуба. Между ними был десяток шагов, но вот стало восемь, шесть, пять... Олег начал разводить руки, покачивая мечом, бросая искорки света в глаза.

Тур дернулся, с трудом отрывая взгляд от приближающегося пещерника, попятился. Под ноги попался камень, и он с размаху сел на задницу, не удержался, опрокинулся на спину, задрал ноги.

Воины Храбра загоготали, засмеялся сам Храбр, даже на жестоком лице волхва появилось подобие усмешки. Тиверцы понурили головы. Храбр внезапно прервал смех, рявкнул:

– Взять!

Олег шагнул назад, схватил Гульчу и с силой прижал к шершавому стволу. Воины Храбра прыгнули на Тура, повалили и прижали к земле, остальные ринулись на оцепеневших тиверцев. Завязалась сеча, зазвенел металл, послышались крики и стоны.

Храбр, не обращая внимания на побоище, шагнул через поляну к дубу, где стоял Олег, сказал сильным мужественным голосом, в котором слышался звон булата:

– Твой колчан пуст... Были твои стрелы с белым пером?

– Их было мало, – ответил Олег. – Тиверцы ленивы, не могли запастись.

Храбр широко улыбнулся, оценивающе оглядел Гульчу. Она ответила дерзким взглядом, кинжал держала в правой руке, на левой – верхнюю рубаху, которую она успела снять, готовясь к схватке с тиверцами.

– Вы принесли нам удачу, – сказал Храбр.

– Если бы я знал, – ответил Олег, – что встречу вас здесь, ее не было бы.

Храбр показал рукой в сторону реки:

– На той стороне наши кони. Мы чтим гостей, которых посылает Перун, вам будут рады в моем племени!

Олег чуть-чуть склонил голову, его меч глухо стукнул, опускаясь в ножны. Гульча недоверчиво оглядела Храбра, спрятала кинжальчик. Храбр с улыбкой смотрел на нее.

– Маленькая, но злая, – сказал Храбр одобрительно, – ее примут как гостя-воина. Как поляницу!

Они втроем перешли по мелководью, отроки с готовностью выбежали навстречу, ведя коней в поводу. Храбр расхохотался, видя, как откровенно засмотрелись отроки на Гульчу. Он вообще часто и охотно смеялся, этот вождь рашкинцев, блистая ровными белыми зубами.

Поехали вдоль реки, позади слышались отдельные крики и затихающий звон. Двое воинов сурового вида молча держались в отдалении. Их руки всегда были возле рукоятей мечей, глаза не оставляли Олега, но во всех взглядах он не уловил враждебности.

Весь рашкинцев лежала в зеленой долине, защищенной холмами от ветров. Олег насчитал тридцать домов, широких, с толстыми стенами, крытых гонтой. Тридцать домов охотой не прокормишь, а у земледельцев всегда нрав мягче. В то же время рашкинцев знали как самых лютых нравом... Свиные боги? Храбр подчеркнул, что они чтят гостей, которых шлет Перун, бог воинов, не упомянул даже Велеса – покровителя странников, Рода, Сварога... И Храбр, и другие красноголовые смотрят на него желтыми глазами Лиски. Сколько веков минуло? Он на миг ощутил приступ боли, Лиска встала перед глазами. Это ее и его дети...

Из домов выходили женщины, дети выглядывали из окон, мужчин Олег не видел – все на охоте, в набегах, ушкуйничают, ходят в наемниках в Царьграде, даже в Багдаде и далеких странах, где только солнце и пески, где не знают зимы.

В огромных просторных палатах Храбр давал пир в честь гостей. Олег и Гульча сидели на почетных местах, стол ломился от яств, кубков с медом и пивом, гридни вереницей вносили истекающих соком зажаренных поросят, лебедей, речную рыбу. Гульча не знала славянских обычаев, насытилась с первых же двух блюд, наелась с третьего, с пятого набила живот так, что стало трудно дышать, но блюда все несли и несли. Гульча только провожала их жалобными глазами, ноздри красивого носа раздувались, а рядом противный пещерник тихо посмеивался, отщипывая от каждого лакомства по крошке, да и то не от каждого, причмокивал...

Гульча перестала считать на двадцатой смене блюд, а их все несли: свиные уши, вымоченные в кислой ежевике, поджаренную печень кабанчика с лесными грушами, турьи языки в муравьином соку... Пещерник постепенно ожил, начал пробовать основательнее. Гульча не удержалась, отщипнула чего-то неслыханно сочного, духмяного, с опасением положила на язык, и там сразу растаяло нежно. Она непроизвольно сглотнула, чувствуя, что живот вот-вот лопнет. Пещерник ел уже вовсю, чавкал, брал еду руками. Жирный сок тек по толстым пальцам, губы блестели. Она возненавидела его – не предупредил, теперь вот жрет, а она только смотрит!

Храбр часто поднимал кубок, пили здравицу за воинские подвиги, за Перуна и его воинов. За столом было шумно, с Храбром пировали самые свирепые воины и самые отличившиеся.

В зал зашел воин, на сапогах тина, к мокрой одежде прилипли листья. Оставляя ошметки грязи, он прошел через просторную горницу прямо к столу, бросил на стол перед Храбром связку стрел. Храбр вопросительно поднял брови. Воин наклонился к его уху, что-то прошептал.

Храбр выслушал, кивнул воину на дальний конец стола. Олег и Гульча с беспокойством посматривали на вождя. Тот наполнил кубок, выпрямился во весь рост, кольца на поясе громко звякнули.

– Воины Перуна! – прокричал он зычным голосом. – Пусть не скажут в соседних племенах, что мы не учтивы к чужим... Ха-ха!.. Вот сегодня святой пещерник, пробираясь ночью через лес со своей послушницей, в темноте нечаянно обронил свои стрелы. Наши воины полдня лазали по кустам, но собрали все до единой! Я возвращаю их святому человеку и говорю, что ни одну не уронил зря, ха-ха! Только двоих Кабан успел застать живыми, ха-ха... Возвращаю тебе твои стрелы, святой человек!

Он потянулся через стол, положил связку перед Олегом. Один из старых воинов покачал головой, сказал недоверчиво:

– В полной темноте... четырнадцать стрел!.. И два промаха?.. Нам бы такие промахи...

Гульча ответила громким сердитым голосом, который прорезал шум и гам:

– А что ты хотел?.. Своими стрелами он бы не промахнулся. Эти были не его, а дураков, которые гнались за нами!

Храбр внезапно шумно фыркнул в кубок, пиво выплеснулось на стол. Он захлебнулся от смеха:

– Стрелы тиверские?.. А хозяину небось сломали шею?

Гульча сказала сердито:

– Кому шею, а кому спину!.. Нам делать нечего, как запоминать.

Теперь уже хохотали все воины, взрывались от восторга, хлопали ладонями по коленям, стучали рукоятями ножей. Храбр хохотал, запрокинув голову. В палаты, привлеченные шумом, заглянули повара, заулыбались с облегчением, исчезли.

Олег сказал смиренно:

– У нас важное дело. И срочное. Я хотел бы выехать завтра на рассвете.

Он украдкой осмотрел суровые лица, испещренные шрамами. В их жестоких глазах сейчас пляшет смех. Но рашкинцы – самые лютые, самые жестокие...

Храбр сказал успокаивающе:

– Святой пещерник, только свистни!.. Ты принес нам удачу – восемнадцать дураков с их мечами, кольчугами, шлемами. На обменном торге за хороший меч дают пять хороших коней. Или сорок коров. Кстати, мы захватили их коней тоже – у тиверцев кони хорошие!

Олег кивнул: даже плохая лошадь стоит пять волов, а хороший боевой конь потянет на целое стадо. Тиверцы славились конями, к тому же были хорошими оружейниками. В погоню за ним отрядились в полном вооружении, взяли лучших коней и лучшее оружие, не пожалели. Вот только на свою беду догнали уже на чужой земле.

Старый воин, что сидел рядом с Гульчей, предложил:

– Я подберу настоящие длинные стрелы. Нашенские! Мы чтим стрелков, они тоже угодны Перуну.

Другой добавил негромко:

– Я подберу коней.

Храбр подмигнул Олегу одобряюще:

– Им можно верить, святой волхв. Один лучший стрелок, а другой коней понимает лучше, чем людей.

Олег спросил осторожно:

– А для моей послушницы?

Он ощутил, как напряглась девушка, дыхание ее остановилось. Храбр отхлебнул из кубка, сыто рыгнул, обнадеживающе пробурчал:

– Не знаю. Пусть сама поглядит. Каких коней выберет, тех и отдам. Одного под седло, троих в запас. Подойдет?

Олег медленно наклонил голову, пряча радость:

– Еще бы! В конях она разбирается. В людях неважно, зато в конях...

Старый воин довольно взревел, толкнул Гульчу в бок огромным кулаком:

– А что люди? Тьфу!.. Вот кони – да!

Гульча ответила с вызовом, глядя на Олега:

– Конечно, лошади намного лучше, чем некоторые люди. Мы завтра посмотрим с утра. Седла с потниками?

– Есть скифские, меровингские, каролингские, но лучше нашенские, переделанные для местных коней. У франков кони мелковаты, у тевтов тяжелы, вот у тиверцев и рослые, и быстрые, и выносливые!

Они углубились в детали, Олег дальше не слушал. Гридни вереницей вносили сладкое, Олег все еще пробовал, но перестал указывать на мешок. По обычаю рашкинцев понравившееся блюдо можно было взять с собой, многие принесли мешки из непромокаемой кожи. Пещернику гридни без его напоминания складывали не самое лакомое, а пригодное для дальней дороги.

Лишь за полночь ушел Олег с пира. Им постелили роскошную постель, мягкие шкуры и меха лежали в десять слоев, подушки были из тончайшего пуха.

Похоже, Храбр мало верил в святость пещерника – второй постели не оказалось вовсе. Гульча скользнула под шкуру первой и замерла в ожидании, но пока Олег снимал сапоги, расстегивал пряжки, развешивал по стенам ножи, пояс, она... заснула, измученная такими событиями дня.

Проснулась, сразу ощутила стыд и злость на себя, торопливо протянула руку – рядом еще тепло, но самого пещерника не оказалось. За стеной ржали кони, слышались голоса. В раскрытое окно светило яркое солнце.

Храбр сам заботливо проверил мешки, копыта лошадей. Они выехали на своих конях: Олег на огромном белоснежном жеребце, Гульча на вороном. Оказывается, тиверцы подобрали их, идя по следу беглецов, привели в руки рашкинцев. В запас Гульче дали двух рослых коней под расшитыми чепраками, в изукрашенной узде, а в гриву вплели цветные ленты. Олег косился, хмыкал: рашкинцы считали ее свирепой поляницей, но не забывали, что она красивая женщина, под которой и конь должен быть красивым.

Десять воинов сопровождали их до граничных холмов. Когда они остались позади – холмы и воины, Гульча проговорила тихонько:

– Я не верила, что уберемся целыми... Каждый миг чего-то опасалась!

– Я тоже, – признался Олег.

Гульча искоса оглянулась, но рашкинцы уже повернули коней, исчезли за деревьями.

– Хорошо я подыгрывала?

– Умница, – подхватил Олег. – Искусная притворщица.

Они поехали молча. Гульчачак косилась на пещерника, стараясь угадать: похвала или издевка? Он ехал неподвижный, суровый, невозмутимый. Ей хотелось залезть к нему вовнутрь, прочувствовать его, понять, чего он хочет, чем живет.

Олег повернул к девушке голову, его глаза смотрели с симпатией, понимающе. Гульча вспыхнула:

– Все равно ты толстокожий!

– Не пришло время тонкошкурных, – ответил он мрачно. – Жестокий мир сотворили боги.

– Почему?

Олег двинул плечами:

– Какой сумели. Мы, люди, должны сделать лучше. Нам жить, не богам.

– Сумеет?

Он улыбнулся краешком губ с таким превосходством, что она в очередной раз возненавидела его.

– Он уже намного лучше... Люди сделали.

– Тебе виднее, – сказала она язвительно. – Ты видел времена похуже. По тебе это хорошо заметно.

Олег мягко улыбнулся, и девушка готова была его убить за эту улыбку.

Подъезжая к излучине, он ожидал издали увидеть тонкую березку, ту самую березку Славена. Отчетливо помнил тот поздний вечер: Славен вкопал ее на этом крутом берегу, тогда здесь еще текла пересыхающая речушка, желтые листья устилали землю, красный шар Подателя Жизни висел над виднокраем, в небе тянулись стаи, уходя от наступающей зимы. Славен притоптал землю вокруг березки, отошел на шаг, сказал, любуясь: «Древние рекли, что мужчина должен выполнить три дела: родить сына, построить дом и посадить дерево. Дерево я посадил, очередь за домом и сыновьями».

Конь бодро взбежал на косогор, и Олег замер, не веря глазам. Впереди шелестела мелкими листочками, насколько хватало глаз, необъятная березовая роща. Белые нежные стволы призывно манили, обещали прохладу. Конь сам ускорил бег, и вскоре они нырнули в зеленую рощу. Воздух был чистым, свежим, дорожная пыль не проникала в рощу, как бы ветер ни старался нанести грязи и сора.

Олег направил скакуна на самую кручу. Они миновали небольшой бурелом, при виде которого в страхе сжалось сердце, но дальше деревья почтительно расступились: над самой кручей стояло исполинское дерево! Олег не сразу признал березу, настолько могучим и призе-

мистым был ствол – березы такими не вырастают, кора потрескалась, бугристое нутро вывернулось. Лишь вверху поблескивало белым, а на обозримом уровне кора была в серых шрамах, наплывах, буграх. Береза-прародительница выросла на просторе, потому не тянулась вверх, как ее многочисленное потомство, а пошла в стороны толстыми ветвями.

– Исполать тебе, Славен, – произнес Олег негромко. – Спасибо за дом, который ты построил, и за сыновей. Их у тебя намного больше, чем деревьев.

Гульча смотрела непонимающе, переводила взгляд то на Олега, то на березовую рощу. Олег тронул коня, они миновали березняк. Лицо пещерника было печальным. Он перехватил взгляд девушки, виновато улыбнулся:

– Извини, старческие воспоминания...

Гульча фыркнула пренебрежительно:

– Скажи еще, что помнишь эти березки молодыми!

Через два дня, проезжая вдоль Днепра, он не утерпел, сделал немалый крюк, они проехали через могучую дубовую рощу. Олег даже растерялся, затем чутье вывело на обширную поляну, где посередине возвышался исполинский дуб. Вандал посадил его еще крохотным прутиком, второй раз Олег видел его уже молодым дубком, с того времени в этих краях не бывал. Дуб Вандала! Сколько из его желудей выросло молодых могучих дубков? Выстояли, оттеснили соседние деревья, несмотря на стада кабанов, рыскающих за желудями, несмотря на пожары, свирепые ветры, засухи... Что ж, сыновьям Вандала пришлось выстоять еще более нелегкие штормы, грозы и ураганы!

В полдень Олег дал малый отдых коням, они пообедали – в дорожные мешки гостеприимные рашкинцы насовали еды на две дюжины едоков. На этот раз Гульча с готовностью приготовилась выбирать и капризничать, однако пещерник строго велел съесть сперва то, что испортится до вечера. Снова с набитым животом девушка едва встала, на четвереньках отползла от походного стола. Олег, откровенно издеваясь, помог ей взобраться на коня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.